18+

АНДРЕЙ
БАРХУДАРОВ

САНСАРА, ТОРМОЗИ!

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Андрей Бархударов

Сансара, тормози! Продолжение

«Издательские решения»

Бархударов А.

Сансара, тормози! Продолжение / А. Бархударов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673038-0

Павел и Глафира снова в деле. Во второй книге, которая является продолжением повести «Сансара, тормози!», мы снова будем свидетелями удивительных похождений бесогона и ясновидящей. На этот раз приключения будут разворачиваться не только в нашем мире, но и благодаря открывшемуся новому дару Павла в мирах духовных. Мы познакомимся с множеством духовных и не очень существ, узнаем о том, как события в духовных мирах отражаются на течении жизни и событийности нашего мира.

ISBN 978-5-00-673038-0

© Бархударов А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
01. ВОТ И ПОГОВОРИЛИ 7
02. ЧУМА НА ОБА ВАШИХ ДОМА 12
03. РАЗДАЙСЯ, МОРЕ 23
04. ИНТЕРМЕДИЯ НА ПЛОЩАДИ. ЧТО ЗА ПОРОДА? 35
05. ЖАБЬЯ МОРДА 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Сансара, тормози! Продолжение

Андрей Бархударов

© Андрей Бархударов, 2025

ISBN 978-5-0067-3038-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Павел и Глафира снова в деле. Во второй книге, которая является продолжением повести «Сансара, тормози!», мы снова будем свидетелями удивительных похождений бесогона и ясновидящей. На этот раз приключения будут разворачиваться не только в нашем мире, но и благодаря открывшемуся новому дару Павла в мирах духовных. Мы познакомимся с множеством духовных и не очень существ, узнаем о том, как события в духовных мирах отражаются на течении жизни и событийности нашего мира.

01. ВОТ И ПОГОВОРИЛИ

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.
Басё (1644—1694).

Я сидел на прибрежном песке в паре метров от среза воды и смотрел на медленно накатывающие волны. Они лениво набегали и на излете обтекали редкие торчащие из песка камешки. Было не холодно и не жарко. Как по мне, погода была в самый раз. И солнце светит ярко, и ветерок слабый, и при этом совершенно не припекало. Почему-то вспомнилась поездка на Сахюрту[1], где погода и не такие кренделя выкидывала. Но это было точно не побережье Байкала.

Где я находился, было совершенно непонятно. Более того, даже выяснять этого не хотелось. Было хорошо. Мне подумалось, вот если бы сейчас оглянуться и увидеть в метрах тридцати позади себя небольшой аккуратный дом, расположенный на границе соснового леса и песчаного пляжа. Одноэтажный с огромными в пол окнами. И обязательно с террасой. Почему-то оборачиваться было страшно. Но я же бесогон. А бесогоны знают, источником страха всегда являются бесы. Потому я просто обязан был повернуться. Не ради любопытства. А чтобы никогда не давать места страху.

Я оглянулся. Был и сосновый вековой бор, и был дом. И был он точно таким, каким я его себе представлял. Даже кресло с наброшенным на спинку шотландским клетчатым пледом стояло на террасе там, где должно стоять. Я отвернулся. Стало тоскливо. Но лишь на мгновение. Я встрепенулся, с трудом отогнал накатившую грусть и стал смотреть по сторонам. Берег был однообразен, и вид слева не сильно отличался от вида справа. Только редкие пучки травы возвышались над миниатюрными дюнами, навеянными прибрежным ветерком.

Немного поразмыслив, решил, что раз уж я здесь оказался, то стоит не сидеть, созерцая монотонно шумящий легкий прибой, а посвятить время изучению окружающего мира. Удивительно легко я поднялся на ноги и бодрой походкой пошагал к своей мечте. К одинокому дому на диком пляже. Мне всегда хотелось жить в таком месте. Чтобы, выходя утром на порог, не осматривать высящиеся из-за забора дома соседей. Чтобы, если захотелось почесаться, чесаться без оглядки на взгляды посторонних. Только море и берег. И плевать какая погода. Пусть она будет разной. Пусть будут и шторм, и штиль, и легкий бриз. Все годится. Все в радость.

У лестницы в три ступеньки, которая вела на террасу, я остановился. Не то что бы я боялся сделать эти три шага. Скорее хотел отсрочить неминуемое. Какое-то внутреннее чувство подсказывало, там меня ждет встреча с мечтой. С идеальным ее воплощением. И я не знал, что буду делать, чего желать, о чем мечтать после ее обретения. Это чувство подобно тупику. Казалось бы, вот оно – воплощение чаяний. Мечты, которая, казалось, невозможна. Вот она! И как теперь жить дальше? Без цели, без идеи… Сидеть и балдеть в кресле, глядя на море?

– Хотя! – сказал я вслух, махнул рукой и в два прыжка оказался на террасе. – Я что-нибудь еще придумаю! – уверенно сказал сам себе вслух и засмеялся.

Терраса была, как бы сказать получше – она была правильной. Террасная доска из неубиваемой не гниющей вечной ангарской лиственницы. Аскетическая без лишних финтифлюшек ограда. Несколько кашпо с цветами были подвешены на тонких цепочках под навесом террасы. И кресло… Старое широкое крепкое из гнутой древесины, обитое немного выгоревшим

[1] Сахюрта – Село в Ольхонском районе Иркутской области на берегу Байкала.

гобеленом. Обивка была закреплена ровной чередой гвоздиков с литыми медными шляпками. Казалось, что в этом кресле еще мгновение назад сидел один из древних волхвов. Оно буквально дышало историей, излучало силу и манило своим удобством. Рядом стоял маленький резной столик из красного дерева. Столешница инкрустирована позеленевшей старой медью, перламутром с редкими вставками из бледно-зеленого хризолита. Ножки этого антикварного чуда искусно выточены и имели форму извивающихся лиан. На столике стояла кофейная чашка из потрясающего «мягкого» английского фарфора, украшенного тонкой золотой вязью. Но самое главное, это было содержимое чашки. Она была наполнена раскаленным свежесваренным кофе. Судя по аромату, напиток варили в турке и варили идеально. Я присел на краешек кресла и взял чашку в руку. Осторожно, чтобы не обжечься, пригубил тягучий напиток и понял, это самый вкусный кофе, который мне доводилось когда-либо пить. Он был волшебен.

– Интересно, а кто его приготовил? – спросил я сам у себя. Впрочем, ответить было некому. Поэтому вопрос повис в воздухе и растаял, как дымок от сигареты. Дымок? Захотелось закурить. Я начал хлопать себя по карманам и осматриваться по сторонам. Мой взгляд остановился на деревянной резной сигарной коробке, которой раньше на столе не было.

– О! Только бы не сигары! – сказал я и медленно приоткрыл крышку шкатулки. – Ха! – невольно вырвалось у меня. Коробка была полна сигарет. Тонкие и короткие, как я любил. В боковом отделении заботливо ждала зажигалка. Она была одноразовая пластмассовая розового цвета и очень сильно диссонировала своей легкомысленностью и со столиком, и со шкатулкой. Я взял сигарету и стал ее рассматривать. На сигарете не было никаких маркировок, а так сигарета как сигарета. Я закурил. Табак был превосходный. Не легкий и не тяжелый. Без всякого соусирования и ароматизаций. Просто табак, качественный и дорогой.

– Так! Жизнь налаживается! – сказал я снова вслух, прихлебнул кофе и развалился в кресле. – Лепота! – выдохнул я, подражая одному из героев замечательного советского фильма.

В дом идти не хотелось. Я уже точно знал, там все идеально. Белые стены, пол из выбеленных палубных тиковых досок, редкая мебель, подобранная без всякой системы, исходя из моих предпочтений. Огромная душевая со стоком в полу и окном, ну и все остальное, что необходимо для комфортного проживания. И, конечно, просторная кухня с островком-печью Fratelli Onofri. Ах какой в ней можно испечь хлеб. Я знал, что там есть подпол, полный всяких вкусностей, и что они всегда будут там, свежие и идеально вкусные. Мне было бы хорошо и уютно.

– Что еще нужно, чтобы встретить старость? – выдохнул я. И эта фраза меня отрезвила. – Какую такую старость? – спросил я у окружающей действительности.

Я открыл шкатулку, взял пригоршню сигарет, зажигалку и сунул все это богатство в нагрудный карман, допил кофе, поставил чашку на столик и решительно направился к морю. Когда я отошел на двадцать шагов, обернулся, протянул правую руку к своей мечте и произнес очень старую забытую всеми молитву отречения от наведенного морока. Дом ухнул и провалился в песок. Вместе со столиком, креслом и кофейной чашкой английского фарфора. Сердце ёкнуло. Но совсем чуть-чуть. Я похлопал себя по нагрудному карману. Сигарет тоже не было. А чего я еще хотел?

Снова сижу на берегу и смотрю на набегающие волны. Теперь я начал кое-что понимать и в общем-то спокойно размышлял о том, что делать дальше. Я, собственно, сюда пришел не недвижимостью заниматься. Но как-то закрутился. Точнее, позволил себя закружить. Вообще, переходы между мирами преподносят всегда сюрпризы в виде потери ориентации. Вот так и я – немного заблудился. Но ничего, сейчас исправим. Я встал, набрал в грудь воздуху и начал молиться. Слова древнего языка текли из моих уст бесконечным потоком, выписывая какие-то вязи вокруг меня. Воздух у моей головы стал тягучим, как кисель, и я практически перестал себя слышать. Звуки доносились будто из-под воды. Казалось, кто-то далекий пытается до меня докричаться. Но я знал, эта молитва слышна сейчас во всех мирах и Тот, к Кому

я обращаю ее, тоже слышит и обязательно ответит. Закончив молиться, я сел и стал ждать. Левая щека ощутила легкое дуновение ветра. Я обернулся и увидел Его. Ноги подпрыгнули сами собой. Я вскочил, повернулся к Нему лицом и хотел было встать на колени, но Он улыбнулся и махнул рукой.

– Не суетись, сынок! – с мягкой улыбкой сказал Он, располагаясь рядом на песке. – Проверять будешь?

– Буду! – сказал я решительно, задыхаясь от волнения. – Ты ли Тот Иисус Христос, Который пришел во плоти, был убит и на третий день воскрес? – путаясь в словах и коверкая формулу, выпалил я.

– Я есть Иисус, пришедший во плоти, распятый и в третий день воскресший, и воссевший одесную Своего Отца на Небесах. – совершенно серьезно ответил Он. Его слова истекали из уст ярким светом и заполняли все пространства вокруг нас.

Я выдохнул. Каким-то внутренним чувством я и так знал, что это Он, ошибиться было невозможно, но порядок нарушать было нельзя. Особенно в Его присутствии. Страха не было. И быть не могло. При Его приближении страх уходил куда-то в небытие. Даже волнение исчезло. Пришло ощущение такого умиротворения, что хотелось его впитывать, кушать ложками, рассовывать по карманам про запас, упаковывать в коробочки, повязывать бантиками и дарить, дарить, дарить… А двадцать пять процентов моей крови тут же предложили это чудо монетизировать и продавать, продавать, продавать. Продавать тем, кто сам его никогда не добьётся. Но с этим я легко справился, запихнув такой милый порыв куда подальше.

Он жестом пригласил меня сесть. Я опустился на песок и, как зачарованный, уставился на Него не в силах оторваться.

– Ты, Павел, не расслабляйся и не зависай. – улыбаясь, сказал Он. – У тебя есть вопросы. Самое время получить ответы. А то скоро тебя позовут.

– Есть! И их много. – взволнованно сказал я, – Но я ответы могу и сам теперь получать. Да и Глафира мне всегда поможет. А в Твоем присутствии мои вопросы мне кажутся такими… наверно, малозначительными. Более того, Ты пришел, и все ответы у меня уже в голове. Прости меня, Господи, что потревожил Тебя.

Он улыбался. Как мне показалось, немного грустно. А мне так не хотелось Его огорчать. Ну не притягивать же за уши разговор и не выдумывать вопросы, чтобы что-то там из себя изобразить.

– Ты не переживай, что напрасно Меня потревожил. – ответил Он. – На все вопросы ты действительно найдешь ответы. У тебя все для этого есть. – Он снова взглянул на меня, и сердце мое наполнилось радостью. Мне, как ребенку, захотелось прямо сейчас подпрыгнуть и побежать вдоль берега, пройтись колесом и еще что-нибудь отчебучить эдакое.

– Но Мне есть что тебе сказать. – добавил Он. – Я очень рад, что ты оставил свой юношеский максимализм и становишься мудрее. Ты растешь, и с возрастанием в Духе и Силе возрастает и твоя мудрость. А вместе с этим и ответственность. Ты почти всегда справляешься и поступаешь во всем верно. – после этих слов, я здорово напрягся. – Не переживай! Ты просто человек и можешь ошибаться. – успокоил меня Он. – Важно другое! Я хочу, чтобы ты стал активнее и сосредоточился на проповеди Евангелия. Время осталось слишком мало. Я подготовлю почву для того, чтобы служение вышло на новый уровень, и вы с Глафирой могли достигать большего количества людей. Ключевых людей.

– Господь! Хотел бы спросить – справлюсь ли я, но не стану уподобляться Захарии[2]?

Господь улыбнулся

– Всякий урок только на пользу. Даже Захарии.

---

[2] Захария – Священник Заха́рия (из рода Аарона) – отец Иоанна Крестителя и супруг праведной Елисаветы, порой отождествляется с Захарией, сыном Варахии, упомянутым в Мф. 23:35

Я кивнул головой, и тут меня буквально прошибло. А ведь у меня есть вопрос! Да такой, что я его реально не мог разрешить. Я долго пытался найти на него ответы, но всякий раз сомнения оставались. А кто источник сомнений, нам известно. Поэтому ответ на этот вопрос мог меня устроить только от Первоисточника. Я поднял глаза и встретился с Ним взглядом. Он был спокоен, но улыбка исчезла с его губ.

– Твой вопрос понятен. И он правильный. Многие избегают даже размышлять об этом. А я говорил однозначно. Тебя интересует притча о пшенице и плевелах[3]. – сказал Он.

– Да, Господи! Недавно перечитывая Евангелие, в этом месте меня будто что-то остановило. И я не нашел ответа. Точнее, ответ как бы очевиден, но его сложно вместить. – сказал я, не в силах посмотреть Ему в глаза.

– Ты хочешь спросить, неужели не все люди, человеки и предназначены к вечности?

– Да! – ответил я, смиренно готовясь услышать то, что и так ясно. Но как же это тяжело принять.

– Да, сынок! Не только не все люди человеки, но, более того, человеки в меньшинстве. На самом деле тех, кто имеет лишь образ человека, много больше.

– А как же их различать? – торопливо спросил я. Почему-то я почувствовал, что наш разговор вот-вот прервут…

Господь смотрел на меня и улыбался. Его образ начал таять, и в последний миг я увидел, что Он попросту смеется.

– Передавай привет Глафире. – услышал я Его последние слова и образ Господа растаял.

Передо мной появился огромный ангел. Ангелов мне доводилось видеть и не раз. Но этот был странный. Рыжий и весь в веснушках. Он начал трясти меня за плечо и что-то говорить. Но я не мог понять ни одного слова. Он чего-то хотел, о чем-то спрашивал. А я, как баран, смотрел на него и совершенно не понимал, что происходит. Только что я говорил с Самим, а тут бац… И какой-то странный бракованный ангел, ухватив меня за плечо, силится мне что-то объяснить или спросить. До чего на мордвина похож, подумал я. Надо же мордовский ангел. На этой мысли я очнулся.

– Хэй! Мистер! Ду ю нид май хэлп[4]?

Ну что за произношение? Меня кто-то тряс за плечо. Я возвращался в реальность. Сквозь туман перед моими глазами выплыл образ здоровенного рыжего веснушчатого росгвардейца, который склонил ко мне свое озабоченное лицо. Он настойчиво твердил:

– Ду ю нид хэлп? – а потом куда-то в сторону добавил: – О! Смотри зрачки вернулись.

Я перевел глаза в сторону и посмотрел, к кому он обращается. Там стояла девушка в такой же форме и испуганно глядела на меня.

– Может, наркоман? – спросила она осторожно и тихо.

– Не знаю! Не похож. Не мальчик уж вроде… И одет прилично. – проворчал рыжий боец.

Я все еще не был в состоянии внятно говорить и пока молчал.

– Может, он старый приличный наркоман. – настаивала девушка.

– Да ну тебя. Плохо человеку. Видно же. – Мистер? Кэн ю хир ми? – сержант продолжил безжалостно убивать английский.

– Да он на каком-то другом языке говорил. То ли иврит, то ли арабский. Я слышала по телевизору. Очень похоже. – уверенно сказала девушка. – Скорую вызывать будем?

– Не надо скорую! – с трудом проговорил я. – Мне уже лучше.

– О! Он по-русски говорить умеет! – искренне обрадовался сержант. – Как-вы-се-бя-чувству-ете? – разделяя слоги, как робот из детского мультика, проговорил он, улыбаясь.

---

[3] Притча о пшенице и плевелах – одна из притч Иисуса Христа, содержащаяся в Евангелии от Матфея. В ней рассказывается о том, как некий человек посеял на поле своём пшеницу, а враг его посеял между пшеницею плевелы.

[4] Do you need my help? – (англ.) Вам нужна моя помощь?

– Спасибо! Все хорошо. Просто я заснул. Наверно, что-то приснилось. – соврал я. А что можно было ему рассказать из произошедшего? Что я был в другом мире и разговаривал с Самим? Тогда он точно вызовет скорую. Но специализированную. Нет! Туда мне пока рано.

– Ну вы нас напугали! И не только. Вон прохожие нас вызывали. Говорят, мужчина не в себе. На иностранном языке песни напевает, и глаза без зрачков. Одни бельма. – и, как бы оправдываясь, добавил: – Ну они так сказали!

Я огляделся по сторонам. Это была набережная невдалеке от нашего дома. Так! Уже хорошо. А что я тут делаю? Гуляю! Почему один? А потому что Глаша уехала к родителям. А чего я орал тут какие-то песни? Ага! Потому что мне показалось хорошей идеей посидеть в медитативной молитве на лавочке. Ну вот и помолился. Слава Богу все живы.

– Сержант! Приношу свои извинения за доставленные неудобства. Сидел и заснул. Видно, что-то приснилось. – выпалил я скороговоркой.

Девушка в звании старшего сержанта, немного успокоившись, подошла ко мне поближе и пыталась незаметно принюхаться. Запаха не было. И быть не могло.

– Мы не пьющие! – сказал я, глядя на ее потуги.

– Кто это мы? – подозрительно взглянув на меня, настороженно спросила девушка.

– Да ладно тебе! – вмешался сержант. – Уважаемый! Вы где проживаете? Может вас проводить?

– О! Не стоит. Я в порядке. Спасибо! Вон мой дом. – я указал пальцем в сторону нашей улицы и было собрался отчалить подальше от этого места, как услышал:

– Мужчина! Можно вам два слова сказать? – заговорщицки обратился ко мне сержант.

Я кивнул, и этот здоровяк, подхватив меня под руку, отвел в сторонку и тихо сказал:

– Вам бы батюшке показаться надо. У моего тестя такая же шляпа была. Глаза закатит и давай чёй-то балаболить. Помер! – сказал он и для убедительности кивнул головой. – А батюшка потом сказал, что одержим был. Даже когда соборовали, его выгибало, и матом ругался.

– Спасибо вам огромное. Думаете мне надо? – совершенно серьезно спросил я. С одной стороны мне было смешно, а с другой – сердце наполнилось таким теплом и любовью к этому парню, что хотелось его обнять и прижать к своей груди.

– Чую надо! Уж больно страшно было смотреть на вас… И говорили явно не по-человечески.

Я шел по набережной и ел мороженое. Мне было очень хорошо на сердце. Тепло и светло. Был бы я разведчиком, спалился бы ни за понюшку табаку. Как радистка Кэт из «Семнадцати мгновений». А так за дурачка приняли или за одержимого. Ну с этим жить можно. Дурачков и одержимых сейчас пруд-пруди. Я по телевизору видел.

В следующий раз буду осмотрительнее и отлучаться из этого мира стану только из дому или под надзором Глаши.

А теперь мне предстояло разобраться в самом главном – как различать заблудших и спящих человеков от тех, кто не предназначен к вечности? И самое важное – возможно ли это как-то изменить? Комсомольский максимализм хотел счастья для каждого.

– Обана! – воскликнул я, чем изрядно напугал стайку девчушек с цветными волосами, одетых в какие-то чёрные бесформенные одежды. Далее я продолжил уже про себя: – А откуда же они берутся эти человекообразные? Вот в чем вопрос. Каков механизм?

02. ЧУМА НА ОБА ВАШИХ ДОМА

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему
В. Шекспир «Ромео и Джульетта»

Глаша сидела на диване в нашей гостиной и, согнувшись пополам, хохотала. Это было просто неприлично и немного обидно. Она сегодня только вернулась из поездки к родителям и на ее вопрос, как дела? – я рассказал ей о своих похождениях на набережной. Нет! Не рассказал! Не успел попросту. Когда повествование дошло до упоминания ангельского рыжего росгвардейца, который пытался со мной поговорить по-английски, собственно, сам рассказ и прервался. Продолжать было бессмысленно. Глаша прыснула хохотом. Правда, сначала она пыталась сдерживаться, но после заряд здорового смеха вырвался на просторы, и загнать его назад было невозможно. Каждая моя новая фраза вызывала очередной приступ веселья. Я понял! Она параллельно «смотрела» мой рассказ. И если основную часть истории она восприняла крайне серьезно, то вот финал выбил ее из колеи

– Ладно! Тебе надо отдохнуть с дороги. Потом тебе все расскажу. – решительно подытожил я.

– Нет! – задорно пропищала Глафира. – Я эту чашу должна испить до дна. И я не отстану от тебя, пока ты мне все не расскажешь.

– Ну смотри. – мучимый сомнениями согласился я и продолжил.

Глаша старалась изо всех сил соблюсти серьезность, и, когда я окончил свой рассказ, она почти успокоилась.

– Ну ты додумался, где медитировать.

– А что тут такого? Сидит обритый налысо дядька на лавке, глаза закрыл… – спросил я.

– Ага! И орет на арамейском. Ещё и на древнем его варианте. Действительно, что тут такого?

– Я не орал… – сказал я неуверенно.

– Ты свой голос слышал, когда молишься? – насмешливо подтрунивала меня Глаша. – Труба иерихонская… Ладно! Обошлось и хорошо.

Я вздохнул и пожал плечами. Что тут было говорить. Глупо вышло.

– Может, все же последуешь совету полицейского? – сказала Глафира совершенно серьезно.

– Какому совету? – спросил я удивленно.

– Ну к батюшке сходить. Показаться. – все так же серьезно предложила Глаша. И только веселые огоньки в ее глазах выдавали насмешку. – Ну что ты? Девушку бить!? Где тебя воспитывали? – заверещала она, когда я начал ее лупить бархатной подушечкой, которая давно прижилась на нашем диване. Подушечка было настолько легкой, что травмировать могла только больное самолюбие.

После небольшой потасовки мы угомонились и сели кушать. К возвращению Глафиры я приготовил пасту в сырно-сливочном соусе с кусочками курицы и ветчины вперемешку. Это было совершенно проходное блюдо. Гибрид пасты Альфредо и пасты-пене. Блюдо, посыпанное сверху пармезаном и украшенное листиками зеленого базилика, было сметено могучим ураганом, и мы перебрались снова в гостиную, чтобы обсудить текущие дела.

– Так ничего и никого особо срочного. – докладывал я. – Единственное… Помнишь Лусинэ из Сочи?

– Это та армянка, у которой сынок одержим? – припоминала Глаша.

– Да! Только сынку под тридцать, и у них серьезные проблемы. – подтвердил я. – Парень практически невменяемый. И она хочет его привезти к нам в Самару.

– Как зовут сына? – задумчиво спросила Глафира.

– Аршак. Насколько я понял, Лусинэ воспитывала его одна. Без отца. – добавил я. – Вообще у нее два сына. Аршак старший.

– Там проблемы со всех сторон. – задумчиво ответила Глаша и добавила: – Надо же какое проклятие. Просто тьма вокруг этого парня.

– Ладно! И не такое бывало. – ответил я, не желая погружать Глашу в клиентские проблемы сразу по приезду. Еще успеется.

…

Мы поднимались по лестнице на второй этаж. Глаша шла впереди, а я отстал от нее на три ступеньки. Поскольку я смотрел под ноги, то совершенно неожиданно уткнулся Глаше в спину.

– Упс! – только и успел сказать я. – Матерь Божья заступница! – вырвалось у меня, когда я увидел ожидающих нас Лусинэ с сынком.

Сынок был на пол головы выше меня и в два раза шире в плечах. Несмотря на немного оплывшее тело, были видны его переливающиеся стальные мышцы. Аршак весил наверняка более ста пятидесяти килограммов, и все это тельце украшала огромная голова с непосредственными детскими глазами. Он улыбался. И эта улыбка наводила ужас. Почему-то в голове проплыла картинка, как этот парень, не меняя выражения лица, откручивает своей маме голову.

– Здравствуйте! – ответил я, буквально схватив себя в руки. – Подождите несколько минут, мы подготовим офис к приему.

– Конечно, конечно! – мягким грудным голосом сказала Лусинэ, и мальчик-гигант отошёл в сторону, чтобы нас пропустить.

Мы с Глашей, закрыв за собой дверь, взглянули друг на друга.

– Глаша! Если он начнёт бузить, нам всем тут крышка. – спокойно и твёрдо сказал я. – Потому, когда буду молиться, сядь у двери и, если что, беги.

– Ага! Сейчас! Я тебя не брошу. – с вызовом сказал она. – потом задумалась и добавила: – Честно! Я не знаю, что делать! Он неимоверно силён. Я о бесе. А имея в своей власти такую силищу, он может здорово начудить.

Я задумался и выпалил на одном дыхании:

– У меня есть план! Снимаем занавески, вяжем из них канат, спускаемся из окна и валим из города. Поедем в Сибирь к Максимилиану. Там заляжем на полгода, после вернёмся, когда все уляжется. – при этом я был совершенно серьёзен.

Глаша воткнула в меня недоуменный взгляд. Потом стукнула кулачком в живот.

– Я серьезно! – выпалила она.

– Я тоже! – хохотнул я в ответ. – Ладно! Давай доверимся Боженьке. Авось не даст пасть смертью героев. В конце концов, Он сам его привёл. Вот пусть и выкручивается.

Я открыл дверь и, молясь про себя, пригласил гостей пройти в приемную. Лусинэ зашла первой и стала осматриваться. По большому счету, ехала она наобум. Устав от безысходности и не имея надежды, по рекомендации знакомой начиталась отзывов в интернете и буквально напросилась к нам на прием. Честно говоря, мы с Глашей всегда против таких приездов. Лучше искать помощи на месте. Тут очень важно, чтобы помощь, особенно в таких случаях, была под рукой. В ситуации с Лусинэ и ее сыном это было особенно важно, потому как проклятие было родовым и такое, что вот так на раз-два не прокачаешь. Тут нужна длительная системная работа. Но Лусинэ нас уговорила.

За Лусинэ, на мгновенье зависнув в дверях, зашел, согнув голову, чтобы не стукнуться о притолоку, Аршак. Я, честно говоря, думал, он вообще не войдёт, потому как дверь была промолена, и никто со злым умыслом пройти в нее не мог. Но это не касалось бесов. Если бы я им запретил входить, то зачем мы нужны? И тем не менее его бес почуял защиту.

– Одевайте бахилы, присаживайтесь. Сейчас мы вас возьмём. – сказал я.

Мне нужен был тайм-аут. Небольшой. Но без него никак. Когда гости расположились на диване, который издал бессильный стон под тяжестью Аршака, я спросил:

– Как доехали? Где поселились?

Пока Лусинэ рассказывала о своих приключениях, я начал молиться. Про себя тихо, но уверенно я оплетал демона, живущего в теле этого гиганта. Аршак ерзал на диване, глаза блуждали по сторонам. Он совершенно не мог понять, что с ним происходит и к чему готовиться. Обычно внутренний голос подсказывал, давал советы, наставлял. А тут тишина. В его голове было непривычно тихо. Вакуум.

– Аршак! – вдруг неожиданно спросил я, – Ты книги читать любишь? – мне надо было переключить его внимание с внутреннего мира на внешний.

– Кто? Я? – встрепенулся парень. – Не-е-е. Не очень. Я кино смотрю.

Пока он рассказывал какой последний фильм посмотрел, я окончательно спеленал беса и почувствовал, что Глаша сейчас выйдет из кабинета и позовёт нас. Я знал, что она там у себя тоже не теряет даром времени, готовит почву для освобождения и ищет бесовские крючки и узлы, которыми этот демон привязан к несчастному гиганту.

– Проходите! – как всегда, с улыбкой и радушием сказала Глаша, распахнув дверь.

Гости синхронно встали и вошли. Диван в кабинете под весом армянского Гаргантюа[5] исполнил арию задавленного павлина, а я сел на свой дежурный стульчик у двери, и мы все уставились на Глафиру.

– Лусинэ! Как я понимаю, ваш супруг умер давно? – полуутвердительно, полувопросительно сказала Глафира.

– Да! Очень. Я была беременна младшим сыном, когда его застрелили.

Лусинэ, невзирая на возраст и печать страданий, которую наложила на нее судьба, была красивой женщиной. Мягкий грудной голос, внешнее спокойствие и достоинство вызывали уважение. Ее внешность не портил даже немного на мой взгляд великоватый нос. Но за внешней маской опытный человек легко усмотрел бы тяжелое горе, мучения и страдания, выпавшие на ее долю.

Нам знакомо такое состояние. Мы часто сталкиваемся с судьбами людей, находящимися под постоянным давлением. Ни одного дня мира и покоя, ни продыху, ни вздоха. Сплошные несчастья, перетекающие из одного в другое и вытекающие друг из друга. Мало кто не ломается и выдерживает такое давление. Но всякое давление имеет свои причины и свои цели. В случае Лусинэ и Аршака необходимо было понять, что окунуло их в несчастья и беды.

– А знаете, – сказала Глаша, обращаясь к Лусинэ, – пусть Павел и Аршак поболтают в приемной, а мы с вами поговорим.

Я махнул богатырю рукой, и мы молча вышли из кабинета.

– Лусинэ! Скажите, есть хоть один аспект или событие в вашей жизни, когда бы вы не обращались к гадалкам и колдунам?

– К колдунам? – опешивши от услышанного и немного даже отшатнувшись, тихо спросила женщина. – Ну-у-у не знаю. Но у нас так принято. Моя бабушка и мама, сколько я себя помню, гадали на кофе. И на картах. К ним даже знакомые и соседи приходили с вопросами. И они им помогали.

---

[5] Гаргантюа – герой сатирического романа-пенталогии «Гаргантюа́ и Пантагрюэ́ль» – французского писателя XVI века Франсуа Рабле о двух великанах-обжорах, отце и сыне.

– Только гадали? – жестко и настойчиво спросила Глафира.

– Не только… – потупила глаза Лусинэ.

– Понятно! То есть весь спектр услуг.

– Не-е-ет! На зло они никогда ничего не делали. – с жаром проговорила Лусинэ. – Они были глубоко верующими и в церковь ходили постоянно.

– Понятно! – оборвала Глафира. – Давайте поговорим о вашем муже. Как я понимаю, он был авторитетным человеком.

– Да! Очень! Его все уважали и знали. – сказала Лусинэ с гордостью. – Он был очень добрый. Всем помогал. К нему все родственники обращались. Соседи. Помогал каждому. Кому деньгами, кому советом. Заступался за них. Он же был очень известным спортсменом. Призером многих чемпионатов. Вот только на олимпиаду не попал. Ну там такие интриги были…

– Хорошо! Я поняла. То есть ваш супруг был криминальным авторитетом.

– … ну, наверно. Можно и так сказать. – тихо проговорила Лусинэ.

– И на нем была кровь. И немало. – задумчиво проговорила Глаша. – Понимаете, Лусинэ, при таких обстоятельствах особо удивляться, что Ваши дети родились под проклятием, не стоит. С одной стороны, колдовство. А с другой – кровь. Я бы сказала – кровища, поломанные судьбы, искалеченные жизни. Я понимаю 90-е годы. Но как это может отменить духовные законы?

– Но он был очень хороший. Справедливый. Честный. – запричитала женщина, прижав к груди руки.

– Лусинэ! Для очень узкого круга людей ваш супруг был благодетель. А для остальных он был страх и ужас. Я вот хочу в чем разобраться – Ваш муж умер мучительной смертью. И это как бы должно искупить его вину и снять проклятие с его детей. Ну, по крайней мере, большую часть… – Глафира задумалась.

Лусинэ хотела что-то сказать, но Глаша сделала жест рукой, и та затихла. Глафира погрузилась в глубокие думы. Как бы все было очевидно. По крайней мере, три поколения женщин шалили колдовством и гаданиями. Отец мальчика был бандит и имел за собой кровавый шлейф. И сын у них родился уже будучи одержимым демоном. Там и со вторым ребенком не все просто. Но это цветочки по сравнению с Аршаком. Важен сейчас был только Аршак и проклятие, концентрированно вылившееся в нем. Она встала, открыла дверь и пригласила нас с мальчиком присоединиться. Я очень обрадовался. Потому как особо говорить с парнем было не о чем, и я увлёк его пересказами просмотренных фильмов. Ему это доставляло удовольствие, и меня не напрягало. Пока дамы шептались в кабинете, передо мной неслись космические корабли, коварные пираты, продажные полицейские и жаркие красавицы.

– Павел! Я пока не до конца разобралась с проблемой Аршака. Но в общих чертах многое понятно. Мне надо больше времени. – задумчиво, скорее себе, чем нам, сказала Глаша. – Ты сейчас помолись за Аршака, чтобы они хоть нормально до завтра дотянули. А я вечером и утром буду молиться, чтобы разобраться в этом досконально. Есть тонкие моменты, которые мне пока не ясны.

– Ну что? Помолимся? – спросил я, глядя Аршаку в глаза. – Мама! Вы не против, чтобы я помолился за вашего сынка? – не давая опомниться парню, и не дожидаясь его ответа. Но и глаз с него не спуская.

– Конечно, конечно! – женским чутьем поняв мою игру, быстро ответила Лусинэ.

– Аршак! Я сейчас буду молиться о тебе…

– А мне что делать? – перебил меня парень.

– Ничего делать не надо. Просто сиди и смотри на меня… – властно сказал я. – Взгляд не отводи. Это важно!

Я посмотрел в его глаза. Там медленно, но неотвратимо начала проглядываться тьма. Бес пытался разорвать наложенные узы и получить власть над телом. Этого допускать было нельзя.

По опыту я знал, что даже маленький ребенок, которым овладел бес, может проявить виртуозную ловкость и совершенно нечеловеческую, животную силу. Глядя же на руки Аршака, которые были похожи на руки штангиста-тяжеловеса, огромные кулачищи и плечи косой сажени, было страшно представить, что бес мог натворить, овладев таким телом. Мы бы все втроём больше трех секунд не продержались. Три удара тюк-бум-трах и три обездвиженных тельца по углам ринга. Лежим, отданные на милость победителя.

Я начал молитву. Задача была простой. Насколько возможно истончить тело беса, изъять по максимуму его естество, ослабить донельзя, и то, что останется, связать крепко-накрепко. Минимум на сутки. Полностью не разобравшись в причинах такого уникального, можно сказать, одержания, освободить парня все равно не получится. Ему, безусловно, станет легче, и он сможет наконец-то быть собой. Чувствовалось, что парень-то хороший, добрый, любящий маму и брата, но пройдет немного времени, и медленно, но верно все вернется. И, вероятно, в худшей, более уродливой форме.

Бес был не один. Их было несколько. Но лишь один был главным, владеющим человеком. Остальные просто прохожие, заглянувшие на огонек. Вот именно на главном, который себя считал хозяином, я сосредоточил молитву. Остальные были сметены мощным ударом света, пришедшим извне. Я немного сфокусировал глаза и перешёл на обычное зрение. Лицо Аршака было по-настоящему страшным. Детская улыбка превратилась в звериный оскал, и он тихонько рычал.

– Пошёл ты на… Я тебе сейчас голову оторву и засуну в твою … – тихо, преодолевая узы, прорычал бес.

– Не ругайся при маме. – спокойно сказал я и наложил печать на его уста.

Аршак захлопнул рот и начал сопеть носом, не прекращая силиться что-то говорить. Он издавал какие-то булькающие звуки, сипел и порыкивал. Вены вздулись на его лбу, и могучие мышцы перекатывались под тенниской. Он даже пытался привстать. Но тело ему не подчинялось. И только где-то глубоко в его сердце я видел настоящего Аршака, здоровенного красивого сильного парня. Мамину гордость, мамино счастье. Он сидел, съёжившись, не имея ни сил, ни желания мне помочь в своём освобождении. Там, в духовном мире, он уже проиграл. Возможно, его естество пыталось когда-то вырваться, противостоять демону и лишить его власти над собой. Но все попытки были тщетны, и он просто устал. Я видел его ребенком, который силится затормозить свое тело. Его плоть с ненасытной яростью избивала одноклассников, прохожих, брата и даже мать. Будучи школьником, Аршак держал в страхе весь район. У него не было ни друзей, ни сколь-нибудь близких людей. Его отдавали в специализированную школу, он был на всех возможных учетах. С ним беседовали, увещевали, пару раз даже могли посадить, но очень «уважаемые люди» раз за разом вытаскивали его в память об отце. Шли годы, а Аршак становился все более неуправляемым и опасным для окружающих. Любой повод мог стать весомой причиной для его бешенства. Он крушил дома мебель, вышибал двери, разбивал окна, и ярости его не было предела.

Все родные и близкие были просто в отчаянии. Брат, когда ему исполнилось восемнадцать лет, съехал из дома и крайне редко показывался на глаза. Его можно было понять. Пока они жили вместе, ему больше всех доставалось. Однажды он даже пообещал убить брата и пытался ночью его зарезать. Но тогда все обошлось. Лусинэ очень напугал тот случай.

Брата звали Матос. Парень он был крепкий. Занимался вольной борьбой и боевыми единоборствами. Несмотря на свою физическую силу и ловкость, он понимал, что шансов победить Аршака у него нет. Собственно, именно это подвигло его заниматься спортом. С одной стороны, он хотел защититься от брата, а с другой – тренировки были прекрасной возможностью уходить из дома. Он даже иногда ночевал в спортзале.

Когда Матос принял решение освободить себя и мать от страданий, убив Аршака, он начал строить план. О неукротимости брата в их районе ходили легенды, похожие на фильмы

Тарантино[6]. Но правда была много страшнее. Матос решил перед сном опоить брата снотворным и попросту перерезать ему горло.

Было страшно. Он понимал, что если с первого раза у него не получится, то шансов на второй у него не будет. Более того, скорее всего Аршак его убьёт. Поэтому он тщательно приготовился. Продумал версию для полиции о том, что это была самозащита. Это, зная Аршака, легко примут. Он был готов даже отсидеть, если ему не поверят. Его решение было не так страшно, как жить в постоянном ужасе и боязни за свою жизнь и за жизнь матери.

Матос, сжимая в руке нож Аршака, который украл у него накануне, тихонько поднимался по лестнице на второй этаж к дверям спальни брата. Он оставлял за собой все двери открытыми как единственную возможность в случае неудачи убежать. Куда бежать и как жить потом, если задуманное не получится, он не знал. Но так было надо.

На цыпочках Матос подошёл к кровати брата, и, когда он приготовился нанести режущий чиркающий удар по горлу Аршака, тот вдруг открыл глаза и каким-то чужим совершенно нормальным человеческим голосом сказал:

– Спасибо, братик! Я так больше не могу. Освободи меня…

Матос опешил. Этого он ожидал меньше всего. Аршак смотрел на него НОРМАЛЬНЫМИ человеческими глазами, полными любви и страдания и продолжал говорить:

– Ради мамочки, ради Бога! Сделай это… Помоги мне!

Матос выронил нож и в ужасе кинулся вниз по лестнице. Он выбежал на улицу и бежал, бежал, бежал. Извилистая Пионерская, похожая на бесконечный коридор, огороженный высокими заборами, привела его на набережную у театра. Только там он смог отдышаться. Усевшись на парапет, Матос просто заплакал. Как ребенок. Он не знал, как жить теперь дальше.

Матос неделю прятался у знакомых. При одной мысли о встрече с братом его трясло, он впадал в панику. Но дни шли, а его никто не искал.

Однажды, выходя из магазина, Матос нос к носу столкнулся с Аршаком. Он оцепенел. Надо было бежать, но ноги отказывались слушаться. Матос, как парализованный, стоял, смотрел в глаза брата и молчал. Где-то внутри он смирился с неминуемым. Ему казалось, что настал последний миг. Сейчас Аршак набросится, схватит его за горло и парой ударов головой о стену оборвёт его жизнь. Но то, что случилось, для Матоса стало полной неожиданностью.

– Придурок! Ты где пропадаешь? Неделю дома не появлялся. Мама совсем извелась. Ну на меня тебе плюнуть и размазать, но мамку-то пожалей.

– Я… У меня… Понимаешь… – запинаясь, начал Матос, откровенно ничего не понимая и не зная, что говорить.

– Мэ-бэ-мэ! Что ты мямлишь, утырок? – злобно сказал, будто сплевывая слова, Аршак. – Чтобы сегодня же зашел и показался маме. Иначе поймаю тебя у твоих бл… дей и набью морду. Прямо при них. Понял?

– Хорошо! Обязательно приду…

Аршак отодвинул его в сторону и зашел в магазин, что-то ворча себе под нос. А Матос побрел по улице в полном недоумении. Одно он понял точно – брат ничего не помнил.

Жизнь вернулась в привычное русло. И это привычное было похоже на ад на земле. Матос рассказал маме о своей попытке убить брата, и на удивление мать даже не упрекнула его. Она как-то вдруг замкнулась, ушла в себя, а потом вдруг выдала такое, что мир Матоса перевернулся.

– Я ходила к Офелии. Ну ты знаешь её —

Офелия была известная гадалка и колдунья. Вся армянская диаспора города, если и не обращалась к ней за помощью, то точно знала, кто она. О ней ходили разные слухи. Офе-

[6] Тарантино – Американский кинорежиссёр, сценарист, продюсер и актёр. Один из наиболее ярких представителей постмодернизма в независимом кинематографе.

лия и привораживала, и возвращала неверных супругов, и лечила бесплодие. Но говорили, что к ней обращались и с более серьезными вопросами. Хотя об этом никто не распространялся.

И действительно, кто будет рассказывать, что «заказал» конкурента, или преждевременно отправил родственника на встречу с Богом. О таком молчат и, может быть, вспоминают на смертном одре, исповедуясь священнику.

– И? – напрягся Матос. – Что она сказала?

– Ой сынок… Даже не знаю, как сказать. – глаза Лусинэ наполнились слезами. – Говорит, что все будет только хуже. Что Аршак одержим сильным демоном. И этот демон еще не полностью овладел им. Но в течение трех-четырёх лет овладеет полностью.

– Вот … – Матос злобно выругался. – Прости, мама! Вырвалось.

Лусинэ махнула рукой и заплакала. Потом добавила:

– Ещё она сказала, что он нас убьёт. Обязательно.

– Что же делать? Может, давай уедем. В Красноярск к дяде. Или за границу. Во Францию. Там много наших. Не пропадём.

– … Матосик! Ещё Офелия мне предложила одно средство. Говорит в чай замешай, и он просто уснёт.

– Мама! Давай. – с жаром выпалил Матос после секундного замешательства. – Вот только полиция экспертизу будет делать…

– Офелия сказала, что следов этого они никогда не найдут. Гарантировано. – ответила Лусинэ.

Оба замолчали. Каждый погрузился в свои думы. Решиться на убийство сына не просто. Но и сил так жить больше не было. Руки Лусинэ были прокрыт синяками от постоянный тычков. Аршаку даже повод был не нужен, чтобы ударить мать. Он делал это походя. Просто так. Слава Богу хоть не бил по лицу. Но вот плечам, спине и рукам доставалось чуть ли не каждый день. Бил и ржал. Бил и ржал. Чувствовалось, что страдания матери доставляют ему удовольствие.

Однажды, когда Аршак бил младшего, и мать попыталась заступиться, он отмахнулся от нее так, что бедная Лусинэ, собрав стол и все стулья, как тряпичная кукла влетела в горку с посудой. Она не могла поверить, что человеческое тело может так легко разнести вдребезги антикварный шкаф и старинный стол. При этом ничего себе не сломав. Синяки были, немного сочилась кровь из пореза на затылке, но в остальном тогда все обошлось. Эта драка стала последней каплей для ее, казалось, безграничного терпения. И тогда она пошла к Офелии.

Лусинэ никак не могла решиться. Женщина она была не набожная, и тем не менее на убийство собственного сына пойти было мучительно больно. Она то уговаривала себя, то отговаривала. Внутри нее шла непрестанная борьба, и она день ото дня оттягивала свое решение. Матос каждый день звонил и спрашивал – когда? Ответа у Лусинэ не было.

Неизвестно чем бы закончилась эта эпопея, если бы Лусинэ не встретила свою одноклассницу. Та работала в УВД вместе со своим мужем. Он в ОБЭП. Она в миграционной службе. Жизнь на первый взгляд состоялась, и окружающие считали их счастливой семьей. Но видимость благополучия была лишь оболочкой, за которой скрывалась неприглядная правда. Они когда-то дружили семьями. У мужей были какие-то свои дела. А Лусинэ было просто приятно общаться с подругой. Женщиной приятной, умной и тактичной. После смерти супруга они стали видеться реже, но контакта не теряли. И вот при встрече подруга поведала о своей поездке в Самару. Проблема была в том, что на их семью кто-то упорно колдовал, и всякие попытки защититься успеха не приносили. До поры до времени они искали защиты у Офелии, но потом добрые люди шепнули, что к ней же ходит и их недруг. И тогда все встало на свои места. По рекомендации своего родственника из Самары они сначала поговорили с Глашей по видеосвязи, а потом, впечатленные ее осведомленностью, решили ехать. Подруга рассказала о поездке и о знакомстве с нами. О том, что им было стыдно слушать о своих неприглядных

делах. И что некий Павел за один раз порушил все колдовство, наведённое на них, и они сразу получили этому подтверждение. Как и что углубляться не стала, но настойчиво порекомендовала Лусинэ поговорить с Глашей. Может, она что и подскажет. Обещала посодействовать.

С Глафирой у них поговорить не получилось. Но зато они мило побеседовали со мной. В таких случаях разговор со мной скорее похож на ледяной душ. И на вопрос, а если Аршак откажется ехать, я твёрдо им пообещал, что Аршак даже будет сам подгонять маму, чтобы быстрее тут оказаться. Они очень удивились моим словам, и чувствовалось, что не поверили. Аршака они знали очень хорошо. А я знал природу демонов. Они приходят без спросу. А уж если им кинуть вызов, то всякий почтит за обязанность пойти доказать свою силу и право. Демоны, как вьетнамцы. Если даже их откровенный шулер пригласит играть своей краплёной колодой, отказать не смогут. Или как «зов роботов» из фильма «Отроки во вселенной»[7]. Хочешь не хочешь, а идёшь. Хорошо, что за ними гоняться не надо. Должно же быть в них хоть что-то хорошее.

…

На следующий день, Лусинэ и Аршак пришли намного раньше назначенного срока. Я им специально выделил последнее время, чтобы в приемной никто не ждал. Было очевидно, что вопрос серьезный и, вероятно, шумный. К чему людей пугать?

Но они пришли раньше. Клиентка, очень милая женщина с семейными проблемами, уже зашла к Глаше, и мама с сыном расположились на диване. Лусинэ светилась от счастья. Аршак сидел скромно, и взгляд его был относительно осмысленным.

– Павел! – низким и одновременно мягким голосом сказала Лусинэ, – Спасибо вам с Глафирочкой. Аршика не узнать! Мы вчера проболтали целую ночь. Будто не виделись вечность.

Я внимательно посмотрел на Аршака и ответил ей:

– Лусинэ! Ещё ничего не закончилось. Даже не начиналось. Не расслабляйтесь. – потом перевёл взгляд на Аршака и сказал: – Аршак! Дружище! Ты как?

Парень-гигант немного вздрогнул, поднял глаза, и я увидел в них страх. Это были глаза ребенка, чем-то страшно напуганного. Я понял, он знает и чувствует демона, который рвётся наружу. Который прямо сейчас прилагает титанические усилия, чтобы вернуть себе власть над этим могучим телом. Сам же Аршак был пассивен. С одной стороны, его сердце плясало от счастья получив долгожданную свободу, а с другой… Присутствие мучителя, хоть и надежно связанного, вызывало страх. Тяжёлый, животный, липкий. Хотелось бежать. Но бежать пришлось бы вместе с ним. А это был тупик.

– Тяжело мне, Павел! Тяжело и страшно. – проговорил Аршак, глядя на меня. В его глазах страх сменился надеждой, и он расправил плечи.

– Не бэ! – подбодрил его я, – Победим!

Аршак заулыбался. Кисло, слабенько, но заулыбался. Лицо его засветилось надеждой. Мы поболтали о всяких пустяках, зазвенел будильник в моем телефоне, и я подошёл к двери, чтобы напомнить об окончании приема.

Когда клиентка ушла, мы всей гурьбой отправились в кабинет Глафиры. Выслушав стон дивана, когда Аршак располагался на нем, мы все заулыбались. Выдержал!

– Ну что? Как ваши дела? – спросила Глафира.

– Ой, Слава Богу! – сказала Лусинэ. – Аршака не узнать.

Глаша на несколько мгновений зависла. Потом сказала:

– Ну впереди еще много работы. Давайте не будем терять времени. – и немного подумав, спросила: – Были ли какие-то препятствия, чтобы к нам прийти сегодня?

---

[7] «Отроки во Вселе́нной» – советский художественный фильм, вторая часть научно-фантастической дилогии (начало – «Москва – Кассиопея»).

– Ой были. Аршак хотел домой ехать. Говорит: «Мама уже все хорошо. Что будем людей тревожить и отвлекать. Давай домой поедем» – сказала Лусинэ.

– Понятно! – с улыбкой сказал Глафира и посмотрела на меня.

Я вздохнул и развел руками

– Ладно! Разберёмся. – решительно ответил я и, повернувшись к Аршаку, добавил: – Ну что? Окропим землю красненьким[8]?

Аршак заморгал. Мама вся подобралась, и все напряглись. Я заулыбался.

– Да ну вас! Уже и пошутить нельзя. – и добавил: – Прочь лирику! Призовём Господа и ангелов Его. Помолимся! Аршак! Твоя задача проста. Смотри мне в глаза. Во что бы то ни стало. В этом твоё избавление.

И я начал свою молитву:

– Господь! Отец мой Небесный! Во Имя Иисуса Христа поднимаю перед Тобой этого мужчину. Прошу Тебя укажи перстом Своим на демона, который овладел его разумом. Дух нечистый, Во Имя Иисуса Христа, я пленяю тебя и лишаю всякой власти над этим мужчиной. Именем Иисуса Христа, я повелеваю тебе оставить его. Творец всего сущего прямо сейчас указывает на тебя своим перстом и повелевает тебе освободить этого человека. – после этих слов из моих уст потекли слова молитвы на древнем давно забытом языке. На языке, так хорошо понятном ангелам, демонам и всем обитателям духовного мира.

Моего участия не требовалось. Я предоставил свой речевой аппарат в распоряжение высших сил и более на этот процесс влиять не мог. И не хотел. Кто я такой, чтобы вмешиваться в такие серьезные дела? Пусть взрослые разбираются.

Поскольку мой разум был свободен, я стал рассматривать глаза Аршака. В этих зеркалах души творилось невообразимое. Я видел то наплывающую тьму, то вспышки света и разума, то все это вместе сливалось воедино и обращалось в кашу, в которой вообще ничего нельзя было разобрать. Я почувствовал, что медленно отлетаю. Реальность вдруг развеялась, и я увидел себя висящим в пустоте. При этом, ощущая себя и не теряя контроль, я видел свое естество одновременно как бы со стороны. Это было немного странно, но очень интересно. Я осмотрелся вокруг. Рядом со мной также висел Аршак. А где-то вдали я увидел Глашу и Лусинэ.

– Лусинэ надо обратить внимание на щитовидку и почки. – как-то автоматически пронеслось в голове. – Ну и плюс три бесика. Мелкие, но зачем они ей?

Вернувшись к Аршаку, я стал лицезреть очень красивое зрелище. Его духовный образ, состоящий из переплетения пустых контуров и чёрных теней, был погружен в столб света. Мириады светящихся частиц облепляли этот гибрид и медленно проникали вовнутрь. Казалось бы, все идет по плану. Пройдёт немного времени, свет заполнит пустоты, и тьме не останется места. Но… Мое зрение снова как-то переключилось, и я увидел себя посреди каменистой пустыни. Передо мной стоял огромный демон, больше похожий на смесь тигра и обезьяны только с крыльями. Ростом он раз в двадцать превышал мой. Ну и образина, подумалось мне.

– Сын Адама и Евы! – обратился ко мне демон. – Кто дал тебе, смертный, право вмешиваться в высший суд и нарушать законы Творца? Страшно тебе?

– Ой страшно! Первый раз такого страшного изгонять буду. – задорно ответил я фразой из старого пошлого анекдота.

– Кто дал тебе право, я спрашиваю?

Отвечать я не спешил. Страшно не было. Разве что чуть-чуть. И то скорее от непривычности таких свиданий. Обычно все проходило несколько иначе. Поэтому для начала я подрос. Когда рост на мой взгляд стал достаточным, я прервал этот процесс и ответил:

– Порождение тьмы! Твои слова ложь. Я не сын Адама и Евы. Творец всего сущего через Иисуса Христа принял меня и дал мне Духа Усыновления. Я Его дитя.

---

[8] Фраза из фильма «Место встречи изменить нельзя», снятого режиссёром Станиславом Говорухиным.

– Вижу! – ответил демон. – Но изгоняя меня, ты рушишь великие законы своего Отца. Этот человек несёт на себе печать проклятия, и я владею им по праву. И он проклят, и мать его. И отец его сейчас в аду пребывает. У тебя нет права разлучать нас.

– Ну с правами ты загнул. У меня есть право. Напомнить тебе?

Я неожиданно для себя весьма ловко извлёк из пространства Книгу, открыл ее и прочёл:

– Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе[9]. – поднял на него глаза и добавил: – Это Спаситель сказал! Вопросы есть? Вопросов нет!

– Есть вопросы! И их много. – с ухмылкой проревел демон. – Эта семья, семья проклятых. И всякое наказание, которому они подвергнуты, законно. Они колдовали, убивали, крали, присваивали, хитрили, лгали, завидовали, блудили… – перечислял демон с видом счетовода, загибая свои пальцы с когтями.

– Стоп! – резко сказал я. – А то тебе сейчас придётся загибать пальцы на ногах. – и засмеялся, потому что представил себе эту картинку.

Демон на секунду задумался и заржал.

– А-а-тставить! – скомандовал я. – Мы же не шутки тут шутить собрались.

– Сам первый начал. – обиженно засопел бес.

– Ладно! Проехали! – примирительно сказал я. – Было. Согласен. Итак, почему не должна быть прервана череда проклятий в этом роду?

– В двух родах! – поправил меня демон, подняв верх два уродливых пальца, увенчанных метровыми когтями. – Обе линии несут на себе проклятие.

– Без разницы. – с нажимом ответил я. – Ты был бы прав, если не одно но. Аршак крещён! И тем самым искуплен от проклятия закона. У тебя нет прав на него.

– Ах вот ты как повернул, смертный! – начал заходиться от возмущения бес…

– Ещё раз назовёшь меня смертным, и я поселю тебя в камень где-нибудь в горах Куньлунь[10]. И самым большим событием в твоей жизни на ближайшие тысячу лет будет суслик, который описает тебя. Понял? – с угрозой выпалил я.

Демон залупал глазами и, видно, прикинув перспективы, покорно склонил голову.

– Больше не буду! Прости! – проворчал он нехотя.

– Вопросы есть? Вопросов нет! – произнес я. – Выметайся из парня. Чтобы духу твоего там не было. —

– А можно вопрос? – спросил демон и, увидев мой кивок, проговорил: – Если крещение и приятие Христа искупает от родового проклятия закона, почему твой подопечный не был освобождён в момент крещения? —

– Вот ты валенок! – разочарованно сказал я. – Этого никто не просил. Об этом никто не молился. Вспомни разговор Господа с Иезекиилем[11]. Что сказал Бог?: – «изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!» Никто не прорёк этим людям, что они свободны от проклятия. Вот вы там всей гурьбой и веселились. Аферисты!

– Вот оно что. – проворчал демон.

– Ты мне глупенького тут не строй. Сам все прекрасно знаешь. Истреблён народ мой будет от недостатка ведения. – ответил я, цитируя Писание. И добавил: – А вы, аферисты, этим пользуетесь!

– Ну дык они сами знать своих прав не хотят. А с нас какой спрос? – равнодушно протянул бесяра.

---

[9] Слова Иисуса Христа, приведённые в Евангелии От Матфея 18:18

[10] Куньлу́нь – одна из крупнейших горных систем Азиатского материка, расположена в Китае. Куньлунь простирается от Памира на западе до Сино-Тибетских гор на востоке.

[11] Иезекии́ль – согласно христианскому учению, один из четырёх ветхозаветных «великих пророков»; в иудаизме – один из трёх «великих пророков»

– Так! Ты мне тут мики-баки не забивай. Выходи уже.

– Так я уже! Жду твоего вердикта. – покорно произнёс он.

Я в одно мгновение собрал его в комок, затянул на руку и, воздев очи ввысь, спросил у Господа:

– Отче! Куда его?

И отовсюду раздался могущественный глас: – Ты знаешь!

Я знал. Честно говоря, беса было немного жаль. Но я понимал, что меня бы он не пожалел. Я вздохнул и вернулся в реальность. Все смотрели на меня.

– Что-о-о-о? – спросил я. – Напугал кого? Орал?

– Нет! Нет! Все было в рамочках. – успокоила меня Глаша.

– Аршак, глядя на вас, молиться начал! – с улыбкой, полной умиления, проговорила Лусинэ. – Отче наш читал. И еще что-то…

– Надеюсь, не мне молился! Аршак! Кому ты молился? – спросил я.

Аршак был, как зачарованный, и ничего не отвечал. Смотрел на всех светлыми глазами и улыбался. Но это была совершенно другая улыбка.

– Паша! Не переживай. – успокоила меня Глафира. – Он Боженьке молился. Просто смотрел на тебя.

– Ну тоди[12] ой! – весело выпалил я и, повернувшись к Лусинэ с сынком, добавил: – Ну теперь, мамаша, инструкции на ближайшие полгода.

Мы договорились, что Аршак пойдет на полгода послушником в монастырь. Пусть поработает ручками и побудет среди людей, ищущих Бога. А Лусинэ я пообещал подготовить молитву об обоих сыновьях. Потому как Глаша сказала, что реакция Матоса на освобождение Аршака будет непростой. Вообще, и она, и ее дети нуждались в системной молитве. Более того, требовалась серьезная молитва и за почившего супруга. Может быть, даже большая, чем за живых.

Мы прощались и, когда Лусинэ со своим богатырем ушли, я посмотрел на Глашу и спросил:

– Как думаешь, они будут идти вперёд или через некоторое время все забудут и снова вернутся в прежнее состояние?

– Иезекииль! Если ты не скажешь, то эти кости не оживут. – ответила она с насмешкой.

Я хлопнул себя по лбу, потом приложил руки к груди и с благодарностью посмотрел на Глафиру.

– Что бы я без тебя делал? – в сердцах сказал я. – Спасибо тебе огромное. – после этих слов, я воздел очи к небу, а точнее в потолок и произнёс краткое исповедание о том, что Аршак целостен, сам себе хозяин, и о том, что Тот, кто в нем, больше того, кто в мире, и что нечистый не смеет прикасаться к нему.

…

Мы вышли из офиса. На сердце было так хорошо и радостно, что хотелось петь.

– Ты, наверно, газика хочешь? – спросила Глаша.

– Очень! Баночку! – закивал я, как китайский болванчик.

– Но только диетическую. Без сахара. – строго добавила Глаша.

– Пофик. Лишь бы газик был, и бурбашки в нос шибали.

[12] Тогда (малорос.)

03. РАЗДАЙСЯ, МОРЕ

Если пожилой мужчина хорошо танцует, значит он прожил жизнь негодяя.
(Японская мудрость)

Был прекрасный субботний вечер. А чем еще заняться правоверным христианам в субботу? Особенно после того, как первая звезда засияла на небосклоне. Правильно! Паша и Глаша отправились в кино. И не в какое-нибудь двенадцать Дэ, где все гремит, и гееватые чернокожие герои спасают миры от белых мерзких цисгендерных гомофобов. Или мужественные решительные и цветные женщины, выжигая все вокруг огнём и мечом, разрушают коварные планы этого мира, который подчинили себе отвратительные белые мужчины. Нет! Мы шли в сквер Эльдара Рязанова сидеть на лавочках и смотреть «Ленин в октябре»[13]. И были мы не одни. С нами прибыли: термос моего фирменного чаю, четыре сэндвича с куриной грудкой, салатным листом, огурцом и майонезом (вот только не надо начинать тут свой ПП) и пачка влажных салфеток на случай аварии.

Мы с Глашей испытываем теплейшее чувство к старому кино. Можно было, конечно, скачать любой фильм и запустить его на большом экране телевизора в гостиной, но это было не то. Нам хотелось события. Благо этот прекрасный уличный кинотеатр был в паре кварталов от нашего дома. Собрать рюкзачок с перекусом и чаем было делом нескольких минут, и мы частенько отправлялись в скверик на Фрунзе к музею Рязанова, чтобы глянуть какой-нибудь старый фильм.

«Ленин в октябре»? Да хоть «Ленин на Йом-Киппур»[14] или «Ленин в Атлантиде». Нам все было в радость.

Мы кусали вкуснейшие бутерброды, прихлебывали терпкий крепкий чай, благоухающий грейпфрутом, бадьяном, корицей и сушеными цукатами. Глаша изредка спрашивала о неизвестных ей личностях, героях фильма. Понятное дело, в ее школьные годы о Ленине и о революции уже не рассказывали. Учебники, писанные птенцами Джорджа Сороса[15], рассказывали совсем другую историю. Унизительную и чужую.

– А кто это с бородкой в военном френче? – спросила Глаша.

– Дзержинский. Феликс Эдмундович. – ответил я, стараясь не сильно отвлекаться от сюжетной линии. – Очень серьёзный дядька.

– Хороший? – спросила Глаша, заглядывая мне в глаза.

– Ты знаешь, тут однозначного ответа быть не может. Одно время он активно поддерживал Троцкого…

– Это того, что ледорубом?

– Да! Но потом изменил свое мнение. Был на очень серьезных государственных постах. Более всего известен как создатель будущего КГБ. Но на мой взгляд, – сказал я, задумавшись: – Много важнее, что Дзержинский инициировал борьбу с детской беспризорностью. А беспризорников после Первой Мировой войны, революции и Гражданской войны было несметное множество. И шанса обрести человеческую жизнь у них почти не было. А советская власть взялась за их социализацию и, ты знаешь, на мой взгляд сделала невозможное.

---

[13] «Ленин в Октябре́» – чёрно-белый художественный фильм режиссёра Михаила Ромма, – первая часть дилогии; вторая часть – фильм «Ленин в 1918 году» – вышел в 1939 году.

[14] Йом-Кипу́р – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

[15] Джордж Со́рос – американский трейдер, финансист, инвестор и филантроп. Сторонник теории открытого общества и противник «рыночного фундаментализма». Деятельность Сороса вызывает неоднозначную оценку в разных странах и различных кругах общества.

– Надо же. Расскажешь мне потом поподробнее? – спросила Глафира. Ее всегда волновали вопросы, связанные с детьми и их воспитанием.

Фильм кончился, Зимний взят, Ленин сообщил, что «Геволюция свегшилась», и мы медленно побрели домой, обсуждая увиденное. Глаша попросила меня рассказать подробнее о беспризорниках, Дзержинском и о том, как Россия с этим справилась.

Я, напрягая память и выуживая из ее глубин воспоминания, рассказывал о детских домах, о том, как беспризорников вылавливали и загоняли в них. О самоотверженных людях, которые посвящали свою жизнь перелицовыванию погибающих душ. Ведь эти дети росли, формируя понятия добра и зла, опираясь только на свой далеко не счастливый опыт. Они никому не верили, и благие порывы советской власти сталкивались с их отчаянным сопротивлением. Я вспомнил «Республику ШКИД»[16], Макаренко[17], Сухомлинского[18] и, конечно, Дзержинского.

– Понимаешь, Глашенька, дети получили шанс. Возможность стать человеками. Не все воспользовались этим. Но многие получили настоящую путевку в жизнь. И использовали её на все сто.

– Здорово! Радостно очень. – Глаша посмотрела на меня и спросила: – А почему сейчас, когда есть все возможности, ни учиться, ни развиваться, ни достигать чего-то значимого не хотят?

– Расслабились! Это свойство неразвитых личностей с одной стороны, а с другой – тех, кто не являются человеками. Человекообразные. И те и те при первой возможности избирают путь пуза, путь потребителей. – заключил я и добавил: – Они слились в едином порыве – потреблять, не напрягаясь. Потребление как смысл бытия. И если человекообразные иначе просто не могут, то людям, наделённым душой, но душой несовершенной, очень притягательна философия потребительства. Соблазнительно же, не напрягаясь, ничего не производя, жить всласть. Более того, такова идеология этого мира. И крайне сложно ей противиться. Потому как, что?

– Что? – как эхо повторила Глаша.

– Дерьмо полезно. Миллиарды мух не могут ошибаться. – со смехом ответил я. – Точно такой же механизм используется инфернальными паразитами для распространения идей разнообразных извращений. Поди разберись что есть зло, а что добро, когда это много лет как норма бытия.

– Ну так-то да… – огорчённо протянула Глаша на самарский манер.

Мы еще немного обсудили похождения Ильича в октябре семнадцатого и зашли выпить кофе в одну милую кондитерскую. Как только сделали заказ и разместились у окошка, мой телефон вздрогнул от короткого жужжания. Пришла смс от одного нудного клиента. Он записался около месяца назад и каждую неделю писал смс с одним и тем же вопросом: «Моя очередь не подошла?» Я, сдерживая ехидство, копипастил свой предыдущий ответ «Срок ожидания приема три месяца».

– Удивительный человек, этот Виктор! – сказал я Глаше в ответ на ее вопросительный взгляд. – Месяц назад записывался и уже, наверное, раз пятый устраивает чат-террор мне. Сейчас будет писать, что он имеет все основания для внеочередного приема.

---

[16] «Респу́блика ШКИД» – советский художественный фильм, созданный в 1966 году на киностудии «Ленфильм» режиссёром Геннадием Полокой

[17] Анто́н Семёнович Мака́ренко – Советский педагог и писатель. Выдающиеся достижения в области воспитания и перевоспитания молодёжи, подготовки к её дальнейшей успешной социализации, выдвинули А. С. Макаренко в число известных деятелей русской и мировой культуры и педагогики.

[18] Васи́лий Алекса́ндрович Сухомли́нский- Советский педагог-новатор, детский писатель, создатель педагогической системы, основанной на признании личности ребёнка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования

Не успел я договорить, как телефон снова зажужжал… Пока мы ждали свой заказ, пироженки и кофе, я вступил в переписку. Конечно, я мог его попросту вежливо отфутболить и, возможно, даже заблокировать, но почему-то не делал этого. Глаша говорила, что я всегда терпимее отношусь в мужчинам-клиентам, чем к женщинам. Возможно. Не знаю, но этого наглого типа я не стал блокировать. Переписка шла полным ходом. Глаша искоса поглядывала то на меня, то на экран телефона и улыбалась.

В: Я же написал, что мне надо срочно.

Я: Этого недостаточно для срочного приема.

В: Мне действительно надо срочно. Пойдите навстречу, пожалуйста.

Я: Почему?

В: Что почему?

Я: Почему я должен раздвинуть очередь, отказать кому-то и пропустить Вас раньше тех, кто терпеливо ждет своей очереди?

Прошло пять минут.

В: У Вас на сайте в правилах написано о причинах для срочного приема. Моя ситуация там есть.

Я: Там еще написано, что ее надо описать.

В: Я написал.

Я: Вы просто написали, что надо срочно, и Вам удобно в выходной в час дня.

Я хорошо помнил это письмо, полное чванливости и самоутверждения. Обычно просьбы, написанные в такой форме, уходят в корзину без разговоров, а телефон кидается в особый список, но в этом случае меня что-то останавливало.

В: А этого мало? Раз человек просит, значит нуждается. Значит, у него серьезные проблемы.

Я: Верю. Но к нам все приходят с проблемами.

В: Я не хочу вам писать о своих проблемах заранее. Я хочу проверить ваши способности. Вы их должны доказать.

Я: Мы должны? Вам? Что и сколько?

В: А как вы хотели?

Я: Вам лучше поискать других специалистов. Мы не сможем вам помочь. Всего Вам доброго.

В: Понятно. Вы аферисты. Бог вам судья.

Прошло пять минут.

В: Простите. Я просто в замешательстве. Я не хотел вас обидеть. Не удаляйте меня из очереди, пожалуйста.

Я: Все на усмотрение Глафиры.

Принесли кофе и пироженки.

– Вот зачем ты с ним переписываешься? – спросила Глаша насмешливо. – За стеной самовлюблённости и ханжества никого не слышно. Он тебя не понимает. Ты только злишь его… – заключила Глафира.

– Да понимаю, – недовольно проворчал я, стесняясь собственной бесхарактерности. – Вот честно, не знаю, почему с ним переписываюсь. Ты же меня знаешь, в одной руке топор, в другой – шашка. Хрясь-бжжжик и досвидос. А тут просто мямля какой-то. Может, Боженька что-то хочет для этого муд…

Глаша резко посмотрела на меня.

– …чудака, я имел в виду. – и добавил тихо: – Только на букву «М».

Глаша погрозила мне пальцем.

– Не сквернословь. И не опускайся. Не к лицу это тебе и не к статусу. – сопроводила жест моя напарница. – Ты Божий человек, и не пристало тебе оскорблять кого бы то ни было. Не ходи на поводу у бесов.

Она была права. Спорить и оправдываться смысла не было.

– Господи, прости меня. За то, что поддался раздражению и осудил человека. Во Имя Иисуса Христа! – покаялся я.

Глаша посмотрела на меня и, чувствовалось, что сердце ее начало размягчаться. Я взял ложечку, отломил кусочек пироженки и протянул Глаше.

– Попробуй мою. А я твою попробую. Если ты не против?

Мир был восстановлен, и жизнь вошла в привычное русло. Я для себя определил, что Виктора удалять из списка не стану, а когда придёт очередь, отдам решение на Глашино усмотрение.

Глаша после краткой задумчивости усмотрела. Когда подошла очередь, Виктор был записан, и время было назначено. При записи он, испытывая мое терпение, немного покапризничал, выбирая время и день приема. Попытался предупредить, что может задержаться. Но все его попытки установить свои правила были основательно разрушены и нивелированы моей непробиваемостью. Он меня откровенно раздражал, но я терпел… Спросите почему? Не знаю. Ответ на этот вопрос лежал где-то вне моей юрисдикции. Но самое удивительное, что Виктор мою сдержанность и терпеливость воспринимал как должное. Было понятно, что в его мире иначе не может быть.

Дверь распахнулась, и в приемную вошёл, точнее, вплыл он. Ну и типаж, – подумал я. На просьбу надеть бахилы Виктор глянул на меня, как на надоедливого швейцара. Снисходительно и немного презрительно. Не считая нужным пререкаться с челядью, он с недовольным видом выбрал себе бахилы, уселся на диван и погрузился в свой телефон. Надевать бахилы не стал.

– Наденьте бахилы, пожалуйста! – терпеливо повторил я.

Виктор не удостоил меня вниманием, немного смял бахилы в руке и продолжил что-то читать на экране смартфона. Я повторил свое требование. Он поднял свои ярко синие глаза, обрамлённые не по-мужски длинными ресницами, и сказал:

– Надену. Я обязательно надену. Когда пойду на прием. – с расстановкой и тоном, которым разговаривают с глупыми детьми, ответил Виктор.

– Виктор! Наденьте бахилы. – повторил я, включая во внешне спокойный голос определённые ноты и тембры, которыми крайне редко приходится пользоваться. – Здесь и сейчас!

– Что вы себе позволяете? Командуете здесь, распоряжаетесь. – довольно громко начал Виктор.

Я не дал ему договорить, приложил палец к губам, и указал на дверь в кабинет Глафиры.

– Тише! Идет прием. Ваши возгласы могут помешать Глафире. – спокойно ответил я и добавил. – Бахилы!

Виктор засопел. Недовольно, обиженно. Насупил брови, хотел что-то сказать. Хлесткое, оскорбительное. Чтобы поставить хама на место, но вдруг сник и начал, кряхтя, натягивать наши синенькие в белый горошек весёленькие бахилы. Затем посмотрел на меня с вызовом, как бы вопрошая: – Удовлетворено ли мое плебейско-лакейское естество? Мой внутренний лакей плебейского происхождения был полностью удовлетворен. Но я для себя решил, еще один фортель с его стороны, я за шкирку выставлю его из кабинета. И, может быть, даже дам пенделя. Но это вряд ли. А так хотелось. И не только пендель. А еще в животик прорядить и в ушко…

– Господи! Дай мне Духа сверхъестественного терпения для этого человека. Надеюсь, его приход Тебе действительно нужен. – проговорил я про себя и погрузился в свою книгу.

– Любезнейший! – обратился ко мне барин тоном стареющего бонвивана на курорте в Ницце. – Я хочу знать, умеет ли Глафира решать вопросы?

«Любезнейший». Каков фрукт? Я держался…

– Уважаемый! – ответил я с притворной слащавостью, – На вопросы обычно отвечают, а решают задачи. Как мне кажется.

Я понимал, что мой ответ наверняка выведет его из себя, и ждать всплеска оскорбленного самолюбия смысла не было. Я начал было подниматься со своего места, размышляя о том, как его выносить, когда внутри раздался голос: – Не гони его! Я слегка опешил и снова сел. На удивление мне легко удалось переключить зрение, и я увидел Ангела. Он стоял посреди приемной и своими крыльями загораживал от меня этого чудака. Я кивнул головой, давая понять – команда усвоена и принята к исполнению. Ангел улыбнулся и сложил крылья. Тогда я смог увидеть гостя.

Картинка меня, видавшего всякое, ввела в ступор. На месте, где должен был находиться человек, сидел жирный демон. Он был будто из слизи или гноя. По его телесам все время что-то текло, вниз и вверх, перемещалось и суетилось. Я присмотрелся и увидел, что он весь покрыт мелкими бесенятами, которые сновали по нему с завидным проворством.

Стало стыдно! Я сидел и пререкался с бесом. Более того, хотел его выставить в ручном режиме. Тоже мне бесогон. Фраер. Дешёвый фраер. Так проколоться. И тут меня шарахнула мысль: – А как он вообще сюда попал? Понятно, что где-то во всем этом нагромождении бесовского мусора еще теплилась жалкая душонка, но она совершенно не могла иметь своей воли. И я, не выпадая из духовного мира, спросил у беса:

– Ты чего сюда приперся, хороняка?

Бес ничего не ответил, только грустно кивнул на ангела. Я перевёл взгляд на этого пушистика. Он скромно стоял около двери в кабинет Глаши, будто дожидался своей очереди. Крылья его подрагивали, а на устах блуждала улыбка.

– Дружище! Может пояснишь, что тут происходит? – спросил я у астральной белоснежки. – Не таись, мой свет.

И тут это небесное существо, которое кажется неземным и нежным, своими перышками вводя в заблуждение всякого, кто может его лицезреть, выдало глубоким басом:

– Павел! Отец хочет, чтобы ты разлучил этого человека с этой нечистью.

Слава Богу, что разговор шёл в подпространстве, иначе этот небесный Шаляпин повыносил бы все окна и двери своим голосищем. Упитанный румяный ангел больше походил на подростка из очень благополучной семьи, где были две бабушки. И обе считали, что ребёночек недоедает.

– Понятно! – смиренно ответил я и добавил: – А бедолага-то сам хочет? И вообще он еще что-то может хотеть?

– Не заботься о том, что вне твоей компетенции. – кратко пробасила крылатая душка. – Твоё дело проречь в этот мир Слова от Духа Святого.

– Есть! – сказал я и вскинул руку, отдавая честь, а после обратился к гнойному слизню: – Слышал чудило! Тебе пора! Вон Сам озаботился этим человеком. Смотри, какого посланника прислал. Красавец, блондин, глаза голубые. Настоящий ариец. – начал разглагольствовать я. – Может, сам выйдешь? Прямо тут?

– Не могу! – ответило чудище. – Я к нему проклятием привязан. Уже давно сбежал бы, если бы мог от этого г… на.

– Ну тут без пол-литра не разобраться. – проворчал я. – Пусть Глаша смотрит сначала.

Раздался звук таймера, который возвещал окончание приема. Я вернулся в реальность. Гость сидел, как парализованный, уставившись в одну точку. По моим соображениям, он смотрел туда, где стоял ангел. Выпроводив клиентку, я заглянул к Глафире. Она поманила меня пальцем и попросила закрыть дверь.

– Что там у тебя происходит? Что за бесы, что за ангел? Кто орет? – немного взволнованно спросила Глаша.

– Клиента почти нет. Демон здоровяк. Противный, жуть. Хотел выгнать, но его приволок ангел. – скороговоркой выпалил я.

– Поняла. – задумчиво сказала Глаша. – Значит, орали не здесь. Просто представь – я сижу, разгребаю завалы клиентки, а тут галдеж. А кто басил-то?

– Та то ангел. Видно, раньше у Шаляпина был хранителем. – ответил я, и мы оба прыснули. Тихонько, как мыши, нашедшие заначку хозяйского кота. – Как считаешь, мне сразу с ним заходить?

Глаша призадумалась, помотала головой и вышла в приемную. Осмотрелась и сказала:

– Ну что? Пойдёмте! Уже пора.

Комплексная проблема, понурив голову, покорно встала, бессмысленно крутя головой, вошла в кабинет. Глаша закрыла двери. Присутствия ангела в приемной я не почувствовал. Видно, пошел за подшефным.

Я присел в кресло и стал размышлять. Чудны дела Твои, Господи! Как только я был готов погрузиться в свои думы и осмыслить происходящее, которое однозначно выбивалось из нашей обыденности, как снова почувствовал присутствие. Присмотревшись, я различил и ангела, и беса, стоящих у двери. При этом бес был запеленат в какие-то ленты света. Стоял, покорно понурив голову. Ну или что там у него вместо нее.

– Неужто ты его сам вынул? – спросил я ангела.

– Нет! – заулыбался ангел. – Я его временно изъял, чтобы Глашеньке было с кем поговорить.

– Что-то новенькое. – задумчиво пробормотал я.

Ангел улыбался чему-то ему одному понятному и продолжал выпускать из своей левой руки световой лучик, который медленно превращался в какой-то тягучий, постоянно переливающийся световой канат, и он накладывался петлями на демона одной за другой. Я заметил, что при этом пут на демоне больше не становилась. Было ощущение, что новые кольца света накладываются вместо исчезающих, наложенных ранее.

– А куда исчезают путы? – спросил я, удивленно глядя на эту картинку.

– Тают. – не прекращая улыбаться, ответил он. – Мы не можем вмешиваться с конечным результатом. Это ваш мир. И вы должны тут разбираться сами. Вам Господь дал все для этого.

Я задумался. Его слова мне были понятны. И все как бы обоснованно. Но я знал ситуации, когда ангелы вмешивались и делали это весьма конкретно.

– То, о чем ты сейчас думаешь, были исключительные случаи. – ответил он, читая мои мысли. – Просто Отец не нашёл никого, кто бы исполнил Его волю и прорёк её в этот мир для исполнения. – он, как показалось, грустно и разочарованно вздохнул и добавил: – Вот тогда приходим мы.

Мне показалось, что он не совсем искренен в своём разочаровании. Я хитро посмотрел на него и заулыбался.

– Что-о-о-о? – протянул ангел настороженно.

– Ничего, ничего! – успокоил его я. – Мне просто показалось, что ты радуешься, когда не находится человека, и Боженька поручает вам, крылатым, делать нашу работу.

Я видел, что он смутился. Пухлые щечки стали заливаться розовым, словно под его кожей и вправду текла кровь. Он потупил глаза и, не глядя на меня, ответил:

– Нам действительно немного обидно, что Бог вас, таких несовершенных, таких эгоистичных, таких грешных поставил выше нас.

– Понятно! – ответил я, теряя интерес к разговору.

– Что тебе понятно? – спросил с вызовом ангел.

– На чем Сатана развёл треть твоих братьев. – сказал я, наполнив свои слова жесткостью.

– Кто бы говорил… – возмутился мой собеседник. – Да почти каждый из вас ходит на поводу у бесов.

– Ты прав! Тут не поспоришь. – согласился я. – Но ни один из нас не помнит о том, что когда-то видел Отца, что был Им сотворён, что имел счастье прикоснуться к Нему. Мы приходим в этот мир обнулёнными. А вы отступили от Отца и предали Его, имея величайшее счастье лицезреть Его и купаться в лучах Его славы. Или я что-то путаю?

– Я не предавал Бога никогда! – возмущённо начал было ангел. Но я поднял руку и сказал:

– Не будем о грустном. – и добавил: – Ты кольца-то крути. Не забывай. Вон товарищ уже почти освободился.

Ангел глянул на демона, на котором оставалась всего пара световых колец, и быстро восстановил путы. Ему было стыдно. Да и мне, собственно, тоже. Я знал слабости ангелов, особенно младших чинов, и подленько этим воспользовался.

– Прости меня, друг! – сказал я, обращаясь к ангелу. – Я не хотел тебя обидеть. Просто вы бываете такими снобами, надменными и чванливыми, что иногда хочется вас немного осадить. – И тут же добавил, обращаясь к Отцу: – Отец! Прости мне мою заносчивость и злобливость. Прости, что обидел посланника Твоего, во Имя Иисуса Христа!

Ангел глянул на меня, потом воздел глаза вверх и тоже что-то закурлыкал на своём ангельском языке. Даже всплакнул немного. Я встал, сделал ему шаг навстречу, распахнул объятия, приглашая обняться. Он на мгновение замешкался, а потом ринулся ко мне, и мы обнялись. Стоит заметить, что обнимал он меня одной рукой. Вторая при этом продолжала пеленать демона.

Мерзкий гад от нашей размолвки явно испытывал удовольствие. Он, можно сказать, наслаждался.

– Когда все окончится, и я получу свободу, эту комедию буду рассказывать на бис среди своих. Вот хохоту-то будет. – откровенно потешался он.

– Муть обезьянья! – резко обернулся я на его голос, – Куда я тебя освобожу, ты там даже пискнуть не сможешь.

– Я не понял! – начал было возмущаться бесяра. – Эй, петушара небесный! Это произвол! – прогнусавил он ангелу. – Тебе куда сказали меня отправить?

Я вопросительно посмотрел на ангела. Тот пожал плечами и коротко ответил:

– Папа сказал отпустить!

Я округлил глаза и хотел было возмутиться, но бес меня опередил:

– Да! Да! Давай, начни роптать. Сделай мой день, святоша. – захрюкал он от удовольствия. – Надо же счастье-то какое привалило. В один день увидеть, как бесогон ссорится с ангелом, и он же ропщет на повеление Самого-о-о! – ржало это чучело и тыкало когтистым пальцем в потолок.

Я протянул руку, и из моей ладони вылетел лучик света. Тоненький такой. Можно сказать, тонюсенький. И вонзился этому охламону прямо в пасть. Пасть захлопнулась, и демон как-то судорожно сглотнул и затих. При этом начал злобно вращать глазами. На его отвратительных губищах начала проявляться заплатка, похожая на послеоперационный пластырь. Потом пластырь растворился, а вместе с ним растворился и рот.

– Ты мне теперь почти нравишься! – сказал я, удовлетворенно поглядывая на результаты своего изобретения. – А тебе? – спросил я у ангела.

– Так, точно лучше! – сказал он. – А потом сможет говорить? – тут же обеспокоено спросил ангел.

– Он и сейчас может.

Бес, выпучив глаза, пытался что-то из себя выдавить. Ничего не получалось, и он вопросительно уставился на меня. Впрочем, и ангел тоже.

– Может, может! Но… – добавил я, подняв указательный палец вверх, – Только псалмы и славословия Господу. А еще может покаяться…

– Ха-ха-ха! – совсем не ангельским смехом зашёлся наш пушистик. – А ну прочитай какой-нибудь псалом. – обратился он к демону.

Тот замотал головой и отвернулся.

– Да ладно тебе, нечистый! Хоть попробуй…

– Ну давай вместе – Живущий под кровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится…[19]

У демона проявился рот, и он нараспев начал псалом. Когда дошёл до фразы «говорит Господу», вдруг остановился и было начал:

– Да пошли… – рот его исчез. Мы так и не смогли узнать, куда нам следовало идти. Сказать, что он был зол, ничего не сказать. Бес был в ярости.

Вдруг распахнулась дверь, и вышла Глаша.

– Ну что с вами делать? Галдите, как дети, ей Богу. Ни минуты покоя. Заходите! Все…

Я встал и зашел в двери. Как остальные, не знаю. Потому как, когда я вошёл, все были уже на местах. Демон занял свое место, ангел расположился в уголочке, а я, как всегда, выволок стульчик из закутка и присел в середине кабинета. Сам реципиент, получив некоторую свободу от застарелого соседа, крутил головой и с удивлением рассматривал меня, Глашу и периодически вглядывался в тот угол, где стоял ангел. Он его, конечно, не видел, но длительное соседство с бесом сделало его достаточно чувствительным к происходящему в духовном мире. По крайней мере, в той части, которая касалась его лично. Глаша сосредоточилась. А пока Глафира что-то там свое рассматривает, думаю стоит уделить несколько строк самому гостю.

Виктор был типичный неудачник. Если ему в чем и везло в жизни, то это были женщины. Но не все. А та часть, которая рыдает, глядя сериалы, и часами треплется с подругами по телефону. Есть такой типаж. И поскольку в них всегда есть саккумулированная, нерастраченная любовь и забота, то они готовы отдавать ее первому встречному мужику, который вызывает жалость. Знаете, как облезлому тощему котёнку под дождем. Его всем жалко. Но не все готовы этого блохастого тащить в свой дом. Это потом несчастье растолстеет, обнаглеет, освоится и начнёт гадить, метить и драть обои. А пока оно вызывает жалость. Именно таким был Виктор. Он умел профессионально вызывать жалость и сострадание. А когда понял силу своего таланта, то стал его использовать напропалую. Он вызывал жалость у начальства, у женщин, у детей и даже у продавцов в Пятерочке.

И все бы ничего, если бы Виктор не был жутко похотливым типом. До определенного момента, пока годы позволяли, он довольно успешно окучивал женщин. Был пару раз даже в браке. И оба раза счастливо, пока ему удавалось жалостью удерживать семейные узы. Но флёр несчастного быстро спадал, и начинался быт. Детей, которых он шлепал без остановки, следовало кормить, одевать и учить. По сути, дети становились его конкурентами, даже самая сердобольная тетушка, выбирая между жалостью к супругу и заботой о детях, выбирала детей. Это было несправедливо, с точки зрения Виктора. И, когда требования тащить в дом деньги становились невыносимыми, он просто уходил. Гордо! С высоко поднятой головой! Обиженный, но не покорённый.

При этом Виктор создал себе романтичный образ. Он отпустил волосы, за которыми тщательно ухаживал. Несмотря на серьёзную лысину, которую скрыть после сорока было уже невозможно, он завязывал чёрной резинкой хвост, а лысину прикрывал кепками, беретами, шляпами и прочими головными уборами. Которые, к слову, не имел привычки снимать в помещениях. Это было частью его образа вместе с ухоженной бородкой и маленькими очками. Следует отметить, что очки не были солнцезащитными. Это были обычные очки, в которые он

[19] Начало псалма 90

вставил стёкла с нулевыми диоптриями. Одевался Виктор очень скромно. Вся его одежда была в стиле милитари, и это тоже будоражило женское воображение.

После пятидесяти наш герой понял, что женщинам он все также нравится, но вот дать им уже ничего не мог. Если раньше, пока были силы, все свои недостатки Виктор компенсировал добротным сексом, и женщины какое-то время мирились с его никчёмностью, то с годами пыл угас. Остался только богатый опыт. А его к делу не пришьёшь.

Безусловно, женщины идут и на более странные мезальянсы, но рано или поздно ничем не подкрепляемые отношения безоговорочно разваливаются. Поскольку Виктору была необходима та, которая будет о нем заботиться, он постоянно искал решения. Молодых девушек он избегал. Понимал, что нужна либо потенция, либо деньги. Ни того, ни другого у него не было. Стареющие мадам, где можно было как-то пропетлять и удержаться на жалости, были хорошим вариантом. Но от одной мысли удовлетворять их страсти без потенции ему было не по себе. Виктор не ханжа. Мог хоть как достучаться до сердца дамы и сделать ее счастливой, но этот вариант откладывал на потом. Потому как верил в свою звезду.

И звёзды сошлись! Он встретил прекрасную женщину Светлану. Одинокая, госслужащая, на хорошем посту, в меру интересная, дом полная чаша. Живёт одна с дочкой тринадцати лет. Внешне не королева, конечно. Скорее мышь серая. Но одевается со вкусом, и Виктору было с ней не стыдно выходить в свет. Виктор влился в ее жизнь, как горячий нож в масло. Его откровения об импотенции, поданные в правильном ключе, вызвали дополнительный прилив жалости и вкупе с рассказами о тяжелой судьбе непризнанного гения сделали свое дело. А дело двигалось к свадьбе. Более того, Светлана очень переживала, что ее доченька встретит в штыки ухажера, но все получилось совершенно наоборот. Виктор сумел найти ключики к сердцу ребенка, и, когда он перебрался в их дом, девочка души в Викторе не чаяла.

***

– Павел! У Виктора серьезное подселение. Не мог бы ты помолиться о нем? – сказала Глаша, выныривая из одной ей ведомых далей.

– Ох, с удовольствием. – ответил я и, повернувшись к Виктору, хотел задать дежурный вопрос о его готовности и желании…

– А кто такая Алла? – вдруг спросила Глаша, глядя на пожёванного бонвивана и останавливая меня жестом.

– Это дочь моей будущей жены. – тихим голосом ответил Виктор, сведя глаза к носу.

– Сколько ей лет?

– Тринадцать. – как-то с вызовом ответил престарелый бездельник.

– То есть вы планируете склонить эту девочку к тайному сожительству? – холодным тоном без единой эмоции спросила Глафира.

Я буквально почувствовал, как выдохнул ангел в углу. Выдохнул и расслабился. Я мгновенно переключил зрение и уставился на пушистого посланника Небес.

– Почему ты молчал? – грозно спросил я, глядя в его глаза. – Зачем весь этот цирк?

– Я не мог вмешиваться напрямую. – ответил он, с достоинством расправляя крылья. – Все, что было в моей власти, это надоумить этого людя прийти к вам. Все остальное было бы нарушением закона и вмешательством надприродных сил в канву бытия. Бог отдал этот мир вам. А вы его отдали на откуп диаволу. Так что как-то сами…

Мне показалось, что в словах ангела прозвучали обида и раздражение. Но это вряд ли… Он же ангел.

Я вернулся и услышал окончание Глашиного монолога:

– … неужели вы не верите в воздаяние за всякий грех? Неужели вы думаете, что Бог не читает ваших мыслей? Он даже сейчас смотрит на вас! – говорила Глаша, вколачивая каждое слово в голову этого несчастья. Опасного, следует признать, несчастья. И в конце добавила: – Во Имя Иисуса Христа, я запрещаю вам даже помышлять о совращении этого дитя. – выпалила

она и перевела взгляд на меня. – Давай! Можешь у него даже не спрашивать, что он хочет. Здесь другие законы работают.

– Лучше было бы ему, если бы мельничный жёрнов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели, чтобы он соблазнил одного из малых сих[20]. – проговорил я слова Писания. И, обернувшись к Виктору, немного не рассчитав силы, выдал слова молитвы.

Виктора начало загибать. Он опустил голову к коленям и принял противоестественную позу. Вдруг голова его стала выворачиваться, и мне пришлось переключать зрение. Картинка, открывшаяся мне, почему-то напомнила полотна Иеронима Босха[21]. Гнойный бес стоял над склоненным телом и давил своими лапищами на какие-то нервные центры этому несчастному. При этом белоснежный пушистик равнодушно взирал на разворачивающуюся трагедию. Просто стоял и смотрел. Как таксист с привокзальной площади на носящихся мимо пассажиров. Философски. Мне стало не до выяснений отношений с ангелами.

– Во Имя Иисуса Христа, дух нечистый, я запрещаю тебе убивать его! – выпалил я и добавил на древнем давно забытом языке что-то вроде: – Я лишаю тебе власти над его душой, разумом и плотью. Пошёл вон от него!

Бес ослабил хватку и посмотрел на меня.

– Да кому он нужен? – проворчал демон своей пастью. – Он же хуже животного. В нем нет смысла.

– А кто тебе дал право судить и распоряжаться, обезьяна? – спросил я строго.

– Он! – просто ответил бес и ткнул своим когтистым пальцем в тушку Виктора. Виктор при этом скрючился еще больше и затрясся, как от удара током.

– Я! Павел, сын Всевышнего, запрещаю тебе вредить этому человеку – прорычал я.

– Ладно, ладно. Нет так нет. – смиренно проворчал бесяра. – Только он не человек. Он людь.

Я решил, что пора заканчивать эту беседу. Не выходя из подпространства, протянул руку и сгреб эту мерзость в кулак. Прошептав в свой кулак координаты, перекрестил содержимое и дунул на него. Уменьшенный до размеров шарика для пинг-понга бес пулей отправился туда, где ни один Макар никогда не пас своих телят. Одним словом, очень далеко. Проследив за траекторией движения, я вынырнул в реальность.

– Куда это ты его? – спросила Глаша настороженно. Она знала, что беса этого нельзя было отправлять в небытие.

– Я все помню! Его путь лежит в пограничье. – ответил я.

– Ох матерь Божья… – вздохнула Глафира. – Его же там…

– А куда мне его надо было? В небытие нельзя. Тут такие не нужны. Вот пусть там помаринуется.

– Тебе не кажется, что ты сильно жестоко с ним обошёлся? – спросила Глаша.

Я пожал плечами. Пусть там наверху разбираются. Захотят вытащат, не захотят развоплотят. Мое дело телячье. Виктор распрямился и потирал шею.

– Что вы со мной тут делали. Все болит. Будто меня побили. А у вас есть лицензия на такие манипуляции? – начал было он, получив свободу.

– Сейчас пройдет. – сказала Глафира, и в ее голосе не было ни сострадания, ни даже сочувствия. – Виктор! Прощайте! Вам пора.

– Что значит пора? – возмутился озадаченный тип. – Я еще ничего не успел спросить…

Мы с Глашей переглянулись, и я понял, Виктор ничего не помнит. Это было чудесно.

---

[20] Место из Евангелие от Луки, 17 глава.

[21] Иероним Босх – Нидерландский потомственный художник, один из крупнейших мастеров периода Северного Возрождения.

– Мы не сможем вам помочь! Вам следует с этой проблемой обратиться к другим специалистам. – проворковала Глаша с улыбкой. – Это не наш профиль.

– Аферисты! Я так и знал. Вам бы только деньги с людей драть… – начал распаляться Виктор.

– Я могу вам все вернуть. Напомните, сколько вы нам дали денег? – спросил я, мило улыбаясь.

– А потраченное время ничего не стоит по-вашему? – цепляясь за возможность, выпалил он.

Я взял его под руку, открыл дверь в приемную и, не отпуская, проводил до двери в коридор. Открыл ее и указал жестом на дверной проем.

– Всего вам самого доброго! Пусть милость и благодать Божья будут для вас безграничны. – с улыбкой выдал я и подтолкнул этого людя к выходу.

Виктор, как зачарованный, еле переставляя ноги, вынес свою тушку в коридор. Я закрыл дверь и произнёс молитву запрета на посещение этому телу. Потом выдохнул и вернулся к Глаше.

– Ну и тип…

– Да уж… – согласилась Глаша. – Знаешь, после него хочется в душ и долго-долго тереться самой жесткой мочалкой. Чтобы ни молекулы его не осталось.

– Так! А где этот перистый ханжа? – сказал я, вспомнив об ангеле.

– Исчез сразу, как ты выставил Виктора. – ответила Глафира.

– Вот гад! Сейчас я его вызову снова. Осталась пара вопросов к нему. – с угрозой проговорил я и произнес короткую молитву-повеление.

– Ну что еще? – сразу заныл появившийся из ниоткуда крылатый друг всех человеков, призванный им в услужение.

– Давай! Рассказывай. – произнёс я, усаживаясь на диван, принимая позу внимательного слушателя.

– Она все знает. – ответил он и добавил: – Уже…

И Глаша стала рассказывать, а мы с ангелом внимательно слушать. Оказалось, что этот ангел является хранителем, но не Виктора, как я подумал раньше, а девочки Аллы. И, когда ангел почувствовал угрозу со стороны маминого ухажера, он начал паниковать. Виктор так мастерски расставлял ловушки и шаг за шагом, используя все тонкости и нюансы пубертатного периода, переориентировал растущий в девочке интерес и сексуальность целиком и полностью на себя. Он прибегал к различным ухищрениям, стараясь раскачать ее природную стеснительность. То оставлял «интересную» книгу на виду. То, завернувшись полотенце после душа, садился напротив девочки и «случайно» неуклюже раздвигал ноги. То начинал пространные беседы на тему полового воспитания. Благо мама трудилась, как пчела, и Виктор был на хозяйстве. Он встречал девочку со школы, разогревал обед и даже помогал с уроками. И он никуда не спешил. Между ними незримо выстраивалась связь. Девочку уже будоражили мысли, которые, впрочем, были о поцелуях и крепких обнимашках. А вот у Виктора все заходило намного дальше.

Однажды, чтобы поставить девочку в зависимость, Виктор предпринял совершенно мерзкий шаг. Узнав, что Аллочка увлекается аниме, он с закрытых торрентов скачал несколько азиатских мультфильмов совершенно порнографического содержания и оформленных в оболочку мистических приключений. Когда девочка была в школе, он залил на ее компьютер эти фильмы и расположил в той папке, где она хранила серии своего любимого мультфильма. Более того, он поменял названия файлов. Теперь все выглядело так, что ребенок случайно или не случайно сам скачал эти пошлые мультфильмы.

Аллочка, конечно, не устояла. И когда вдруг увидела то, что ей подсунул Виктор, то сначала очень испугалась, а потом, преодолевая страх и волнения, начала тайно смотреть и изучать свою «случайную» находку.

Тут и настал звездный час нашего негодяя. Он с точностью до секунды вычислил, когда Аллочка смотрит запретное кино, резко вошёл без стука в ее комнату и «обомлел». Были слезы, уговоры не говорить маме, обещания, что больше никогда ни при каких обстоятельствах она не будет смотреть это…

Дело было почти сделано. Но тут вмешался ангел-хранитель Аллы. Судьба ребенка однозначно направлялась по совершенно негативному сценарию. И это могло разрушить многие судьбы. На Аллу у вселенной были большие планы.

– Теперь без этого демона он и пары часов не продержится в доме Светланы. – заключил ангел. – Флёр пал, и ей еще долго будет стыдно за этот мезальянс.

Мы вышли на улицу и после кондиционированного воздуха в офисе нам показалось, что мы нырнули в кипяток. Было лето, и было жарко. Я тут же заныл:

– Вот! Бесов тут гоняю, и никакой благодарности. Даже…

– Ладно тебе. Не причитай. – со смехом сказала Глаша. – Пошли в магазин и купим тебе твоей газировки.

А если ее там не будет? Санкции же… – притворно подвывая, сказал я, уверенно направляясь в сторону магазина. На сердце было хорошо. Но вот проблема газировки меня напрягала. Мои любимые сорта исчезали с полок магазинов, а отечественные производители совсем не телились. Делали много, но все было не то. Все было с тоннами сахара. Эх, жизнь пошла суровая и безрадостная. Даже газика купить проблема.

04. ИНТЕРМЕДИЯ НА ПЛОЩАДИ. ЧТО ЗА ПОРОДА?

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.
С. Есенин «Собаке Качалова»

День был пасмурным и не очень приятным. Мы с Глашей заняли лавочку в скверике на площади Куйбышева. Обычно тут очень уютно, но сегодняшняя погода, сдобренная ветром, не располагала к созерцательности и благодушию. И тем не менее моцион был необходим.

В кармане периодически коротко жужжал телефон. Наверно, кому-то что-то срочно надо. Всякий раз, когда раздавался звук вибрации, Глаша смотрела на меня, а я делал вид, что это меня не касается. Неделя была тяжелой, приемов много, люди сложные. Нужен отдых. И я, вопреки своей обязательности и Глашиному любопытству, на всякие вибрации не реагировал. Мы обсуждали послание апостола Павла к евреям.

– Мне кажется, что именно в этом послании наиболее четко изложено понимание сути искупительной жертвы Христа. – как ни в чем не бывало продолжал я.

– Сейчас ты будешь смеяться. – вдруг, отстранённо глядя вдаль, сказала Глафира.

– Над чем? – немного опешил я. И действительно, над чем можно было смеяться в Послании к евреям?

– Переключи зрение… – хитро улыбаясь, сказала Глафира.

Я не без труда переключился и обомлел. Прямо перед нами на газоне у белого шара с надписью 75 лет Победы стоял или сидел, там не разберёшь, демон. Росту он был с трехэтажный дом и такой же в ширину. Бес был не простым. Он был экзотическим. Из широких ноздрей вырывался пар, глаза светились красным ядовитым светом, вся его пасть, унизанная тысячами острых, похожих на акульи зубов, была измазана какими-то зелёными слюнями. Эта башка покоилась на огромной туше с жирным пузом и тремя парами сосков. На шее висели бусы из человеческих черепов, а на руках были браслеты из берцовых костей. Страшен наш незваный гость был до одури.

– Йопсель-мопсель! Кого мы видим? – протянул я. – Позикус! Ты ли это мой недружище?

– Да! Это я! – с довольным видом протянул демон. – Сам явился к тебе, бесогон. И к тебе, видящая все миры. – добавил Позикус, переводя взгляд на Глашу.

– Позикус! Прощай! – равнодушно сказал я и протянул руку в его направлении, раскрывая ладонь…

– Погоди, бесогон! – заорал инфернальный мачо. – Дай слово молвить! А потом уж решай судить меня или миловать.

– В смысле? Не вели казнить, вели миловать? – спросил я, хитро улыбаясь. – Ты что, сказок начитался?

– … Каких сказок? – удивленно протянул бес. – Хроники какие-то древние. Я же с Востока. У нас там все другое. Махабхарата, Рамаяна. Пураны разные. А тебя, человек, я не всегда понимаю. Вот и решил немного подковаться. Ваши книги почитать.

– И что же ты, бедолага, читал? – спросил я с показным сочувствием.

– Ну Пушкина, Бажова, Ершова, Аксакова…

– Позикус! А смысл слова сказка ты посмотрел? – спросила Глаша, сдерживая смех.

Демон гордо поднял голову и, сведя глаза к носу, ответил:

– Да! Я ознакомился с определением слова «сказка». В разных источниках. Но… – сказал он и поднял свой страшный когтистый палец вверх, – Они все ошибочные. Там пишется, что сказки вымысел, ложь с каким-то намеком. А я проверял. Все описано с небольшими допущениями, но достаточно точно.

– Вот это клей! – только и сказал я, поворачиваясь к Глаше. – То есть Конёк-Горбунок правда? И Царевна-Лягушка…?

Глаша развела руками и пожала плечами.

– Ты знаешь, я никогда не задумывалась об этом. И не проверяла даже. Сказки и сказки.

Позикус начал раздуваться от гордости. Его распирало от того, что он оказался умнее и начитаннее этих детей Евы. Безусловно, он был наихитрейшим гадом и все это разыграл, чтобы я его сразу не аннигилировал. Честно признаться, любой демон имеет такой запас знаний и опыта, что человеку можно только пыль за ними ловить. Соотношение интеллекта было явно не в нашу пользу.

– Знаешь, бес! Я проверю твои слова и тезисы. И если ты все наврал, то найду тебя, вызову, где бы ты ни был, и наконец-то отправлю туда, где тебе самое место. – сказал я жестко. – Ты меня обнадежил тем, что Конёк-Горбунок был на самом деле. Ты даже где-то подорвал мою веру в прекрасное. И если ты наврал, то тебе кадухис[22].

Демон лупал глазами, Глаша еле сдерживала смех, а я продолжал:

– Во мне сейчас загорелась надежда, что и Меч-Кладенец существует. И, самое главное, скатерть-самобранка!

– Это все было! Точно было! Зуб даю! – затараторил Позикус.

– Ну твои зубы при их количестве особой ценой не обладают. Пятьсот давай? – сварливым тоном предложил я.

Позикус мгновенно согласился

– А теперь, если ты такой умный и начитанный, скажи мне: – А та скатерть-самобранка все может подавать?

Позикус кивнул, как солдат-первогодка перед генералом. Быстро, четко.

– И сладкую импортную газировку без сахара? – подозрительно прищурившись, спросил я.

Бес сначала опешил от моего вопроса, Глаша, уже не имея сил сдерживаться, откровенно потешалась и открыто хохотала. Но Позикус собрался с духом, напустил на себя серьезный вид и выпалил тоном опытного лектора:

– Человек! Скатерть-самобранка является сложнейшим инструментом, который одновременно находится в нескольких пространствах, и сделана была великим мастером, имя которого утрачено. И поскольку она инструмент, а не склад товаров, то может материализовывать только то, что просящий себе представляет.

– Ничего не утрачено. Имя мастера кудесник Микула Дабода, и сделал он ее для своей жены, чтобы ей не приходилось готовить на всю ораву его детей и родственников. Ибо мужиков было много, а баба всего одна. Точнее, не делал ее. Он только ее модифицировал как подпространственный двухфазный транспортер-материализатор. – выдала Глаша на одном дыхании.

– А! Съел, демоняка? – во как мы можем. – сказал я с гордостью за Глашин дар. И добавил: – То есть это, как модем. Модулятор-демодулятор. Развоп. Развоплощатель-воплощатель. Как, интересно?

– Не совсем так – сказала Глафира задумчиво. – скорее все же синтезатор. Иначе где-то бы еда пропадала, когда материализовывалась на столе. А это нарушает законы этики. То есть вселенной.

[22] Кадухис (идиш) – возглас, ставший со временем означать полный конец какого-либо действа.

– Вот это да! – сказал я и обернулся к Позикусу, как бы приглашая его присоединиться к моему восхищению. Но этого не требовалось. Он, как заворожённый, своими красными глазищами уставился на Глашу и открыл свою пасть размером с небольшой гараж.

– Видал? На раз-два раскатала весь вопрос. – сказал я, улыбаясь.

– Истинно! Тебе, дочь Евы, известны все глубины бытия. – а потом увидев, как я приподнимаю руку и разворачиваю ладонь, затараторил: – Ой! Прости, барин! Оговорился. Это все мое тяжелое детство, недостаток витаминов, игрушки чугунные. Какая же она дочь Евы? Никакая она не дочь ей. Та отступница была. А эта ого-го-го… – и очень сильно шлепнул лапищей себя по губищам. – Больше не буду! Не вели казнить, вели миловать!

Мы с Глашей захохотали, и я махнул рукой. У беса отлегло, и он решил, что сейчас самое время обсудить тот вопрос, с которым он прибыл в наш мир. Дождавшись, когда мы успокоимся, он, как школьник-первоклашка, поднял руку и спросил:

– А теперь можно я кое-что спрошу? – и стал притворно лупать глазами, считая, что так у него вид будет более жалостливый.

– Позикус! Давай ка ты для начала прими вид более уместный. А то у меня шея уже болит на тебя вверх пялиться.

Позикус отдал честь и мгновенно сдулся до размеров ребенка лет пяти. При этом его облик здорово изменился. Исчезли ожерелья из черепов и браслеты из костей. Всякие индуистские слова, вязью покрывавшие его тело, тоже растворились. Но при всех этих трансформациях видок имел еще тот. Мне, конечно, было все равно, какого он размера. Между мирами все не так, как на самом деле. Позикус мог вполне в своей истинной ипостаси быть размером с планету. Ну а тут действовали другие законы. Долго такая махина не смогла бы быть незаметной. Рано или поздно кто-то из чувствительных граждан его все равно бы разглядел. А там только держись. Сначала крик-визг. А потом вдруг его бы стало видно всем. Поэтому, чем меньше внедрение в межпространство, тем дольше оно может удерживать связь между мирами без материализации объекта.

Позикус сел в позу «Лотос» в двух метрах перед нами и приготовился говорить. Но тут наша беседа была прервана.

– Какая у вас собачка интересная. Как порода называется? – вдруг раздался голос у нас за спиной. Я обернулся. За нами стояла дородная тетка, на поводке которой был красивый рыжий толстый корги. Собака была эталонной. И стать, и взгляд, и клиренс. Все идеальное. Но что меня очень удивило, коржик совершенно не испугался нашей «собачки».

– О! Это албанский чихуахуа. Редкая порода. – приветливо ответил я, оборачиваясь к собеседнице.

– Уж больно крупный и страшненький для чихуахуа. – с сомнением сказала она задумчиво.

– Так албанский же. И болел в детстве. Рахитом. Сильно. – с напускным сожалением произнес я.

Тетка без приглашения совершенно по-свойски уселась на нашу скамейку. Я посмотрел на Позикуса. Он был почему-то очень грустен и даже немного напуган.

– Значит так! – вдруг властным голосом проговорила собеседница. Ты! – она указала пальцем на Позикуса, – Прямо сейчас отправляешься восвояси. Так велено! – взмахнула рукой, и наш чихуахуа с каким-то подозрительным звуком несварения чьего-то желудка растворился. – А ты, бесогон, внимательно слушай меня.

Я мгновенно переключился, и увидел, что это никакая не тетка с милой собаченькой, а два ангела. Разного ранга, но точно не обычные крылатые.

– Павел! – проговорил тот, что был тетушкой, – В связи с тем, что этот разговор вскоре закончился бы отбытием этого нечистого в небытие, мы решили испросить разрешения у Самого, чтобы прервать вашу беседу.

– Лихо это вы. К Самому сгоняли. – с плохо скрываемым раздражением проворчал я. Глаша взяла меня за руку. Я в ответ ее пожал – все под контролем. – А чего это вы решили вмешаться в канву реальности?

– Через несколько дней к тебе придет посланник. Выслушай его и все поймешь. – ответил ангел.

– А сейчас слабо?

– У них нет полномочий. – вставила Глаша. – И вообще все как-то сыро и неопределённо.

Ангел хотел что-то добавить, но я не стал его слушать.

– Все ясно. К исполнению принял. Прощайте…

Я взмахнул рукой и оборвал контакт, глядя прямо в удивленные глаза ангела. Глаша посмотрела на меня вопросительно. А я показал ей на пожилую тетку, которая тащила за собой лениво-жизнерадостного корги. Она направлялась в нашу сторону.

– Да я запереживал, что у них обоих родимчик случится, если они свой дубликат увидят.

Ну и ангелы. Никакой фантазии. Напялили на себя ближайший образ. Шпионы фиговые.

– Штирлиц был на грани провала. – констатировал я. Мы засмеялись, встали со скамейки и пошли в сторону дома.

05. ЖАБЬЯ МОРДА

Весёлое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости.

Притчи Соломона

– Паша! Ты никогда меня не убедишь, что всякая болезнь имеет психосоматическое происхождение. Ни-ког-да! – Варвара замотала головой и добавила: – Вот!

– Варенька! Дык я этого и не говорил. – ответил я спокойно. – Я сказал, что всякая болезнь зарождается в духовном мире, как реакция на слабости человека. На его грехи, обиды, непрощение, изливаемую злость… Именно это разрушает его защиту и открывает для пагубного воздействия инфернального мира. А про психосоматику это ты за уши притянула. Таких терминов в моем лексиконе нет.

– А как же негодяи, которые проживают до преклонных лет и здравствуют? А? – вывалила очередной козырь моя собеседница. – К примеру, мой дед. Тот еще злыдень… Разговаривал только матом. Пил, хоть понемногу, но каждый день. Курил до самой смерти. Три жены у него были, и все умерли. А он до 96 лет дожил. Это как? Он же проклинал, ненавидел всех и каждого.

– И умирал он, наверно, долго и мучительно? – сказал я. – Просил, наверно, кого-то за руку подержать… А потом так легко пшик и отошёл.

– А откуда ты знаешь? – выпучила глаза Варвара.

– Ты лучше скажи, кто его за ручку-то подержал? – спросил я.

– Сестра. – подозрительно глядя на меня, ответила Варвара. – Я просто не успела. Она была ближе, когда он попросил.

– И что было дальше?

– Ничего! Дедушка заулыбался и отошёл. – сказала она.

– С ним-то все ясно. Что с сестрой стало, вот вопрос? – проговорил я и для убедительности поднял палец вверх.

Варя начала вспоминать, что после похорон деда сестра как-то отдалилась ото всех родных. Если и звонила или встречалась, то всегда все сводилось с каким-то претензиям, обидам, выяснениям отношений, и часто общение заканчивалось склокой. После этого родственники могли долго не общаться. Но по прошествии времени сестра как ни в чем не бывало объявлялась и продолжала общение. При этом о ссоре и не вспоминала. Впрочем, до следующей ссоры.

– А раньше она тоже была такой? – поинтересовался я.

– Да нет… – Варвара призадумалась, стараясь вспомнить. – Точно! Это у нее началось после смерти деда. – озарило ее. Потом она выкатила глаза и спросила: – То есть ты хочешь сказать, что она что-то приняла от дедушки?

– Не что-то. А кого-то. Бес к ней перешёл. – ответил я грустно. – Знаешь, все эти потомственные гадалки и ворожеи, если не врут, точно также получают свои дары. Через ручку умирающей ведьмы-родственницы. Бес меняет тельце. Одно износилось, пора искать другое.

– Мой дед не был колдуном.

– Дело не в том, кем был твой дед. Дело в том, какая ипостась в нем обитала. Мог оккультный бес, мог бес похоти, а мог и просто злыдень. Важен факт переноса сущности.

– Вот оно как… – сказала Варвара и призадумалась. – Блин! Как это все сложно понять! А поняв, принять.

Варвара была хирургом и к нам обратилась когда-то с очень серьезной проблемой. Помочь ей было сложно. И дело было не в нас с Глашей. Дело было в самой Варваре. Боженька твёрдо и однозначно хотел, чтобы она сама разобралась со своей проблемой. Он разрешал нам

только подсказывать и молиться о ней втайне от нее самой. Это было мучительно. Но игра стоила свеч, и в итоге Варвара одолела себя саму и обрела радость бытия. Теперь она если приходила к нам, то скорее как к близким людям, чем как к ясновидящей и целителю. И в этот раз записалась на прием. Но пришла на час раньше, принесла всяких вкусняшек, и мы, похрустывая конфетками, попивая кофеёк, болтали тихо, как заговорщики, чтобы не мешать Глаше вести приемы.

– Я тебе сейчас, если успею, расскажу об одной нашей клиентке. – предложил я. – Очень назидательно и для тебя будет архиполезно. Готова?

– Да! – с нетерпением, как ребенок, ожидающий утра Нового года и вскрытия подарков, сказала Варвара.

И я рассказал ей историю о том, как однажды сидя в кафе, мы обратили внимание на молодую, можно сказать, юную мамашу с малышом лет трех. На вид ей было чуть больше двадцати пяти. Девушка была очень дорого одета. Можно сказать, что деньги выпирали из каждой ниточки ее гардероба. На пальцах были нанизаны несколько колец, переливающихся всполохами бриллиантов. Судя по сверканию, все 4С[23] были идеальными. И Clarity не менее Flawless. Даже показалось, что одно из изделий от Лоуренса Граффа[24]. Но вряд ли… Самара все же. Хотя, кто знает.

Больше всего меня удивило выражение лица этой молодой женщины. Она была чем-то очень недовольна. Казалось бы, все в ее жизни прекрасно. Деньги, молодость, красота, но… Но недовольство сквозило в каждом ее движении. Каждый шаг, каждый жест, каждое слово выдавали в ней буквально остервенелое недовольство. С официантом она разговаривала через губу, буквально вколачивая в него каждую букву, с абсолютной уверенностью, что голубь и тот лучше поймёт, что ей надо. С ребенком она говорила коротко и злобно, отдавая раздражённые приказы. Сидеть! Молчать! Ты дурак? Слов не понимаешь?

Когда ей принесли заказ, она, взяв вилку двумя пальцами, поднесла ее к глазам. На вилке что-то обнаружилось.

– Эй! Ты! Иди сюда! – выкрикнула она в сторону поста, где кучковались официанты. Лицо ее стало покрываться красными пятнами и, когда официант дошёл до ее стола, приобрело совершенно свекловичный оттенок.

Список претензий и последующий монолог я пересказывать не стану. Это было просто отвратительно. Она потребовала администратора и что-то долго показывала на вилке, убеждая всех, что она не свинья, чтобы есть такими приборами. Ребенок, по всей видимости, привык к таким сценам, нашёл глазами Глашу и улыбался ей совершенно отстранённо от происходящего. Слава Богу, что дети имеют такой прекрасный защитный механизм.

Глаша тайно помахала ему рукой. Он также тихонько из-под стола ей ответил.

– Может, заткнуть его? – спросил я у Глаши, указывая глазами на расходящуюся фурию.

– Пожалуй, стоит его немного приструнить. – согласилась она. – А то тут сейчас совсем грустно станет.

Я переключился и стал рассматривать беса, овладевшего этой, по сути, девочкой. Ну и рожа. Мелкий ничтожный прыщ. Он удовлетворял свое естество, распаляя своего носителя. Энергия ненависти, которую эта девушка обильно выплескивала в этот мир и на головы окружающих, была его пищей. И он жрал. С каждым таким всполохом ненависти он рос и становился крепче. Но что много важнее, он все сильнее подменял естество своего носителя на себя. Обычно на это требуются десятилетия, а тут дело ладилось. Он уже процентов на восемьдесят смог завладеть ее сущностью. Не остались в стороне и непривязанные бесы, коих всегда вокруг

[23] 4С – Система оценки бриллиантов: cut, clarity, color и carat, что позволяет определить, насколько камень близок к совершенству

[24] Лоуренс Графф – английский ювелир и бизнесмен-миллиардер, наиболее известный как основатель Graff Diamonds

в изобилии. Они сгрудились около этой компании и уже подначивали персонал кафе дать бой этой хабалке. Официант тоже здорово завёлся и был готов сказать все, что он думает об этом чудовище. А два веселых беса, смахивающих на негритят, подначивали его, шпыняли в спину и весело ржали. В общем, дело было швах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.